

Ай Ми

ПОД СЕНЬЮ
БОЯРЫШНИКА

Ми Ай

Под сенью боярышника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68848521

SelfPub; 2023

Аннотация

Роман китайской писательницы Ай Ми, ставший на её родине бестселлером, посвящён периоду Культурной революции в Китае и основан на реальных событиях. Герои повествования – старшекласница Цзинцю, отправленная на перевоспитание в деревню, и участник геологической партии по имени Сунь проникаются взаимной симпатией, но чтобы не скомпрометировать себя, молодые люди вынуждены скрывать свои чувства. Искренние, романтические отношения героев проходят сложные испытания, но не всем планам и мечтам суждено сбыться.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	21
Глава третья	30
Глава четвёртая	42
Глава пятая	53
Глава шестая	73
Глава седьмая	83
Глава восьмая	96
Глава девятая	108
Глава десятая	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Ми Ай

Под сенью боярышника

Глава первая

В первые недели весны 1974 года Цзинцю, бывшую тогда ещё старшекласницей, и троих других учеников отобрали для участия в проекте по подготовке нового школьного учебника. Они должны были поехать в дома бедных и тёмных крестьян в Западной Деревне и брать у них интервью, превращая их рассказы в книгу по истории для преподавания в Средней школе №8. Перед Культурной революцией учебники были полны феодализма, капитализма и ревизионизма и, как славно провозгласил Председатель Мао, отмечали правление *одарённых учёных и роскошных дам, императоров, генералов и министров на протяжении целых эпох*. Теперь же образование *нуждалось в реформах*.

Отобранные несколько человек были учениками, чьи оценки в написании эссе были выше средних. Всех вместе их назвали *Ассоциацией реформы образования Средней школы №8*.

Теперь эта четвёрка тащилась по тропе через гору за товарищем Чжаном, старостой деревни, которая станет их новым

домом на следующие несколько месяцев, и за тремя своими учителями. Гора была небольшой, но со всей своей поклажей, привязанной к спинам, и авоськами в руках, они быстро вспотели, и вскоре уже товарищ Чжан сам изрядно согнулся под их багажом. Две из трёх девочек, даже избавленные от своих рюкзаков, всё ещё задыхались и пыхтели, карабкаясь в гору.

Цзинцю была сильной, и хотя тоже устала под грузом, настояла на том, что понесёт свой рюкзак сама. Способность терпеть тяжёлую работу была стандартом, по которому она измеряла других людей, и она искупала любые политические недостатки своей надёжной и хорошей работой, не боясь затруднений и постоянно убеждаясь, что никогда и ни в чём не отстаёт от других.

Замечая, что каждый выдох гостей всё больше и больше походил на последний, товарищ Чжан не скупился на ободрения:

– Уже недалеко, ещё чуток дальше, а там доберёмся до боярышника и сможем передохнуть.

Легендарное дерево боярышника напомнило Цзинцю сливу в старинном рассказе, где генерал Цао Цао давал пустые обещания об освежающем фруктовом соке, чтобы подстегнуть своих измотанных солдат. Она также думала о советской песне, которую разучила несколько лет назад благодаря учительнице-стажёру русского языка Аньли, которая приехала на практику в Среднюю школу №8 из провинции-

ального педагогического училища. Двадцатишестилетнюю Аньли прикрепили к классу Цзинцю. Аньли была высокой и стройной, с жемчужной белой кожей, приятными чертами лица и прямым, заметным носом. Но самыми лучшими у неё были глаза. Большие, коронованные замечательными веками. Это были не просто два века, в каждом из них укрывались две или, возможно, три складки. Фактически если бы эти глаза были посажены глубже, то её можно было принять за иностранку. Ученицы со своими незатейливыми веками жутко ей завидовали.

Отец Аньли был каким-то артиллерийским начальником второго дивизиона, но, после позора Линь Бяо (псевдоним известного политического деятеля Юй Жун, маршала, сыгравшего в годы гражданской войны 1946 – 1949 гг. ключевую роль в победе Коммунистической партии над Гоминьданом и объявленного предателем в годы Культурной революции в Китае. – Прим. перев.), заместителя главнокомандующего Мао, он тоже попал под огонь критики и был понижен в должности. Пострадала и Аньли. Впоследствии её отец снова вошёл в почёт и таким образом смог вызвать Аньли из деревни и пристроить её в провинциальное педагогическое училище. Тайной было то, почему она решила изучать русский язык, так как к тому времени он был предметом, который давно перестал являться популярным. Сразу после Освобождения, в начале пятидесятых годов, очевидно, было повальное увлечение русским, но затем китайско-советские

отношения испортились, и Советский Союз был заклеймён как ревизионист из-за своих попыток исправить марксистско-ленинскую теорию. Таким образом, те же самые учителя снова сменили русский на английский.

Аньли испытывала симпатию к Цзинцю, и, когда у неё было время, она учила её русским песням, таким как «*Ой, боярышник милый...*» (Имеется в виду русская песня «*Уральская рябинушка*» («*Ой, рябина кудрявая*»), которая была переведена на китайский язык и стала очень популярной в Китае в те годы. Так как рябина не распространена в Китае, а боярышник занимает особое место в поэзии и культуре Поднебесной, название песни было адаптировано именно таким образом. – Прим. перев.). Разумеется, делалось это втайне. Не только всё, связанное с Советским Союзом, становилось опасным, но и всё, загаженное идеей любви, считалось пагубным влиянием и гнилыми остатками класса капиталистов.

«*Ой, боярышник милый...*» считался непристойным, растленным, дурного стиля, потому что слова говорили о двух молодых людях, которые любили одну девушку. Она любила их обоих и не могла решить, кого следует выбрать. И вот, чтобы принять решение, она спрашивала совет у боярышника. В последних строках девушка пела:

Ой, боярышник милый мой, –

Оба хороши.

Ах, боярышник, друг мой,

Сердцу подскажи!..

У Аньли был прекрасный, хорошо поставленный голос – «в итальянском стиле», как она сама говорила. К этой песне такой голос подходил как нельзя лучше. На выходные она, бывало, приходила в дом Цзинцю, и та подыгрывала ей на аккордеоне.

Поэтому, когда товарищ Чжан упомянул боярышник, Цзинцю, поддаваясь воспоминаниям, на мгновение удивилась, соотнеся его с песней. Но потом быстро сообразила, что их проводник всё-таки имел в виду настоящее, а не воображаемое дерево, и что он наметил своё дерево целью для семерых, сражающихся с горой.

Теперь рюкзак Цзинцю тяжело давил на её потную спину, а лямки авоськи глубоко врезались ей в ладони. Чтобы облегчить это давление, она перемещала рюкзак по спине взад-вперёд, слева-направо и справа-налево. И в тот самый момент, когда она стала чувствовать, что дальше идти уже не может, товарищ Чжан объявил:

– Пришли. Давайте немного отдохнём.

Группа издала общий вздох – так вздыхают люди, которым только что прочитали постановления об своей амнистии, – и все повалились на землю.

После того, как силы вернулись к ним, кто-то спросил:

– А где этот боярышник?

– Вон там, – сказал товарищ Чжан, указывая на дерево невдалеке.

Цзинцю увидела ничем не примечательное дерево, высо-

той шесть или семь метров. Воздух ещё был холодным, поэтому не только белых цветов не было на ветках, но даже и зелёных листьев не было видно. Цзинцю смотрела разочарованно. Образ, который навевала ей песня, был гораздо поэтичнее и очаровательнее. Когда она слушала «Ой, боярышник милый...», ей представлялась сцена, где два красивых молодых парня стоят под деревом и ждут свою несравненную девушку. Молодая девушка в одном из тех платьев, что так любят русские женщины, спускается к ним по тропинке в радужных сумерках. Кого же ей выбрать?

Цзинцю спросила товарища Чжана:

– У этого дерева белые цветы?

Этот вопрос, казалось, что-то пробудил в старике Чжане.

– Ах, это дерево! Изначально цветы были белыми, но во время войны с Японией под ним казнили бесчисленное множество храбрых мужчин, и их кровь пропитала почву до самых корней. С тех пор цветы на этом дереве начали изменять свой цвет, пока все не стали красными.

Группа сидела тихо, пока товарищ Ли, один из их учителей из города, не сказал ученикам:

– Вы ещё не записываете?

Понимая, что их работа уже началась, все четверо стали копаться в поисках своих блокнотов. Четыре или пять царапающих ручек были, видимо, обыденным делом для товарища Чжана, поэтому он продолжил говорить. Как только история дерева, которое свидетельствовало о славных подвигах

жителей Западной Деревни, была изложена до конца, пришло время снова отправляться в путь.

Спустя какое-то время Цзинцю оглянулась на боярышник, теперь уже еле заметный, и ей показалось, что она увидела человека, стоявшего под ним. Это был не солдат из рассказа товарища Чжана, крепко связанный японскими дьяволами, а молодой красивый человек... Она отругала себя за свои мелкие капиталистические мыслишки. Ей нужно сосредоточиться на том, чтобы учиться у бедных крестьян и упорно трудиться над составлением учебника. Рассказ о боярышнике будет определённно включён в него, но под каким названием? Как насчёт «Забрызганный кровью боярышник»? Возможно, слишком уж кроваво. «Красный цветущий боярышник», может быть, лучше. Или просто – «Красный боярышник».

Рюкзак и авоська Цзинцю ощущались ещё тяжелее после отдыха, никак не легче. Она понимала, что это ощущения на контрасте: так немножко сладости перед полной ложкой горечи намного усиливает горький вкус. Но никто из учеников не смел жаловаться. Бояться борьбы и усталости – удел капиталистов, а получить клеймо капиталиста было единственным, что пугало Цзинцю.

Её классовое происхождение было скверным, поэтому она не должна путешествовать, эксплуатируя крестьян, заставляя их таскать её сумки – это бы означало поднять себя ещё выше масс. У Партии политика – *Нельзя выбрать*

своей классовое происхождение, но можно выбрать свой собственный путь. Она знала, что люди, подобные ей, должны быть гораздо осмотрительнее, чем те, у кого хорошее классовое происхождение.

Но борьба и усталость никуда не уходили только потому, что о них не говорят. Цзинцю жалела, что каждый больной нерв не вянет и не умирает. Так бы она не чувствовала вес на своей спине или боли в ладонях. Она попыталась сделать то, что проделывала всякий раз, чтобы облегчить боль: дать волю своим мыслям.

И через какое-то время она почти чувствовала, что её тело было где-то в другом месте, как будто душа её уплыла далеко-далеко и жила своей, совершенно иной жизнью.

Она не знала, почему продолжала думать о боярышнике. Образы связанных солдат из рассказа товарища Чжана чередовались у неё с красивыми молодыми русскими в белых рубашках из песни. В своём воображении она и сама становилась героем, убитым японцами у легендарного дерева, и тут же оказывалась молодой русской девушкой, терзаемой нерешительностью. Цзинцю не могла честно сказать, была ли она больше коммунистом или ревизионистом.

В конце концов, они достигли конца горной дороги, и товарищ Чжан остановившись указал вниз на склон горы.

– Вон там Западная Деревня.

Ученики бросились к краю утёса, чтобы полюбоваться Западной Деревней, распростёршейся перед ними. Они увиде-

ли маленькую реку с водой цвета нефрита, которая змеилась внизу у подножия горы и окружала деревню. Купавшаяся в весеннем солнечном свете и окружённая яркими горами и кристальной водой, Западная Деревня была красива, привлекательнее, чем другие деревни, где Цзинцю ранее работала. Панорамный вид открыл поля, простиравшиеся по всему склону горы, как стеганое одеяло, собранное из лоскутков зелёного и коричневого цвета и усеянное крошечными домиками. Несколько зданий сконцентрировались в середине, рядом с дамбой; они, как сказал товарищ Чжан, принадлежали военной базе.

В соответствии с системой в уезде Ичан у каждой деревни было большое армейское подразделение, и главой деревни был фактически партийный секретарь такого подразделения. Поэтому жители деревни называли его Глава деревни Чжан.

Группа спустилась с горы, прибыв сначала в дом товарища Чжана, расположенный у обрыва реки. Его жена была дома и поприветствовала их, попросив называть её Тётенкой. Она сказала, что остальная часть семейства в полях или в школе.

Как только они отдохнули, товарищ Чжан начал устраивать, где кто будет проживать. Два учителя, товарищ Ли и товарищ Чэнь, а также ученик Крепыш Ли, должны были жить вместе в одной семье. Другой учитель, товарищ Ло, оставался здесь ненадолго, только дать инструкции насчёт того, как записывать, и через день-два должен был возвра-

щаться домой, в школу. Таким образом, ему довольно было приткнуться где-нибудь. Одно семейство согласилось отдать одну из своих комнат девочкам, но у них хватало места только для двоих.

– Тот, кто остался, может жить у меня, – сказал товарищ Чжан, решив подать пример. – Боюсь, лишних комнат у меня нет, так что девочке придётся спать в одной постели с моей младшей дочерью.

Три девочки встревожено переглянулись. Цзинцю глубоко вздохнула и проявила сознательность:

– Почему бы вам двоим не пожить вместе? Я останусь у товарища Чжана.

Больше ничего на этот день запланировано не было, поэтому у всех оказалось время устроиться и отдохнуть. Официально работа начиналась на следующий день. Помимо опроса селян и составления текстов, ученики знали, что будут работать в поле с самыми бедными фермерами, познавая на себе крестьянскую жизнь.

Товарищ Чжан развёл других по их новым домам, оставив Цзинцю с Тётенькой Чжан. Тётенька отвела её в комнату своей дочери, чтобы та могла распаковать вещи. Комната походила на другие сельские спальни, в которых Цзинцю приходилось бывать: тёмная, с маленьким окошком на одной стене. У окна не было стекла, только целлофан, вставленный в раму.

Тётенька включила свет, тускло осветивший комнату при-

близительно в пятнадцать квадратных метров, опрятную и чистую. Кровать была больше одинарной, но меньше двойной. Вдвоём будет тесновато, но достаточно. Недавно выстиранные и накрахмаленные простыни, более похожие на картон, чем на ткань, были туго расправлены по всей кровати, сверху лежало лоскутное одеяло, свёрнутое в треугольник, с белым пододеяльником в двух углах. Цзинцю задумалась, как это так его свернули, и, хоть убей, не могла понять. Чувствуя себя немного не в своей тарелке, она подумала, что будет пользоваться своим собственным одеялом с тем, чтобы по утрам не приходилось изо всех сил пытаться свернуть лоскутное одеяло. Ученики, которых отправляли в село проживать у бедняков и середняков, знали, что они должны следовать пункту из протокола, используемого 8-й Маршевой армией во время Гражданской войны: пользоваться только тем, чем пользуются крестьяне, и вернуть всё в целостности и сохранности.

На столе у окна лежал большой квадрат стекла, используемого для показа фотографий, что, как знала Цзинцю, считалось декадентством. Фотографии лежали на тёмно-зелёной ткани. Из любопытства, Цзинцю прошла через комнату, чтобы взглянуть на снимки. Тётя указывала на каждую фотографию по очереди, объясняя, кто был на фото. Сень, старший сын, высокий молодой человек совершенно не походил на своих родителей. Возможно, он в какой-то мере не от мира сего, подумала она. Сень работал на почте в Городе-на-

Янцзя, и домой являлся только раз в неделю. Его жену звали Юминь, и она преподавала в деревенской начальной школе. У неё были тонкие, изящные черты лица, высокая и стройная фигура – хорошее сочетание с Сенем.

Фэнь была старшей дочерью. Она казалась миловидной, и Тётенька рассказала Цзинцю, что после окончания средней школы Фэнь осталась работать в деревне. Вторую дочь звали Фан. Она сильно отличалась от своей сестры: рот у неё выступал вперёд, а глаза меньше. Фан всё ещё училась в средней школе Города-на-Янцзя и дома появлялась раз или два в неделю.

Пока они разговаривали, пришёл второй сын товарища Чжана, Линь. Ему нужно было натаскать воды и начать готовить еду для городских гостей.

Цзинцю заметила, что он не похож на Сеня, своего старшего брата, но больше напоминал товарища Чжана. Ей это было удивительно. Как могли так различаться два брата и две сестры? Как будто, создавая первого сына и первую дочь, родители израсходовали все свои наилучшие качества, поэтому к тому времени, когда они взялись за следующих двух, слепили их как попало.

Цзинцю, чувствуя себя неловко, сказала:

– Я помогу тебе набрать воды.

– А сможешь? – тихо спросил Линь.

– Конечно, смогу. Я часто езжу за город поработать на земле.

Тётенька Чжан сказала:

– Хочешь помочь ему? Я тогда нарежу зелени, а ты её вымой в реке.

Она взяла бамбуковую корзинку и покинула комнату. Линь, оставшись наедине с Цзинцю, повернулся и поспешил в хозяйственную часть дома за вёдрами. Тётенька вернулась с двумя связками овощей и вручила их Цзинцю.

Возвратившись с вёдрами, не поднимая глаз, чтобы не встретиться взглядом с ней, Линь сказал:

– Пошли.

Цзинцю взяла корзину и последовала за ним по едва заметной дороге к реке. На полпути они натолкнулись на нескольких деревенских мальчишек, которые стали поддразнивать Линя: «Твой папаша раздобыл тебе невесточку, а?» – «У-у-у, да она из города!» – «Ну и дела!»

Линь поставил вёдра на землю и погнался за пацанами. Цзинцю крикнула: «Да не слушай ты их!» Линь вернулся, взял вёдра и поспешил вниз по дороге.

Цзинцю смутилась – что имели в виду эти пацаны? Почему они так шутили?

У реки Линь решил, что вода слишком холодна для Цзинцю, заморозит ей руки, как сказал он. Цзинцю не могла убедить его в противном, а оттого и осталась ждать и наблюдать за ним с берега. Покончив с мытьём зелени, Линь набрал два полных ведра.

Цзинцю настаивала на том, что сама понесёт их. «Ты не

дал мне вымыть овощи, так уж дай, по крайней мере, нести воду». Но Линь и этого ей не позволил, схватил вёдра сам и бросился вверх к дому. И, едва вернувшись домой, быстро куда-то ушёл.

Цзинцю попыталась помочь Тётеньке готовить, но ей опять не дали этой возможности. К тому времени маленький племянник Линя, Хуань Хуань, который всё это время спал по соседству, проснулся, и Тётенька наказала ему:

– Сходи с тётей Цзинцю позвать дядю Третьего Старче на обед.

Цзинцю не знала, что в семье имеется ещё один сын. Она спросила Хуань Хуаня:

– Ты знаешь, где дядя Третий Старче?

– Да, он в лагере геобологов.

– Геобологов?

– Он имеет в виду лагерь геологической партии, – с улыбкой объяснила Тётенька. – Мальчик не очень чисто говорит.

Хуань Хуань потянул Цзинцю за руку:

– Пойдем, пойдём, у Третьего Старче конфеты...

Цзинцю последовала за Хуань Хуанем, и вскоре выяснилось, что Хуань Хуань не слишком-то расположен идти пешком. Разведя руки, он сказал:

– Ноги болят. Идти не могу.

Цзинцю рассмеялась и взяла его на руки. Выглядел он маленьким, а был тяжёл. Она уже прошагала большую часть дня, таща на себе сумки, но если Хуань Хуань не сможет ид-

ти, то у неё не остаётся никакого выбора, кроме как пронести его какое-то расстояние, опустить на землю, передохнуть, затем снова принять его на руки и продолжить путь, спрашивая постоянно:

– Мы уже пришли? Ты не забыл дорогу?

Они прошагали немалый отрезок пути, и Цзинцю собиралась сделать второй привал, когда вдалеке услышала вдруг звуки аккордеона. Её инструмент! Она остановилась и прислушалась.

Это действительно был аккордеон, исполнявший «Песню кавалериста», мелодию, которую и Цзинцю играла прежде, хотя только правой рукой. Невидимый музыкант играл очень хорошо обеими руками. Когда мелодия дошла до духоподъёмной части, она зазвучала, как десять тысяч скачущих галопом лошадей, как завывание ветров и кружение облаков. Музыка исходила из строения, более похожего на навес для инструментов. В отличие от остальных зданий в деревне, которые стояли отдельно друг от друга, это строение представляло собой длинную цепь соединённых барakov.

Должно быть, это и был лагерь.

Хуань Хуань вдруг нашёл в себе неведомые героические силы. Ноги у него больше не болели, он оттолкнул от себя Цзинцю и побежал впереди.

Твёрдо держа его за руку, Цзинцю невольно следовала за ним туда, где отчётливо слышалась музыка. Но теперь это была другая песня: «Ой, боярышник милый...» – на сей раз в

сопровождении хора мужских голосов. Она не ожидала, что люди в этом уголке мира могут знать «Боярышник»! Ей стало интересно, а ведали ли селяне, что это была советская песня – так свободно пели мужчины... Они пели на китайском, и Цзинцю слышала, что поют они немного вразнобой, как будто одновременно делают что-то руками. Но именно эта отвлечённость, сосредоченность на чём-то ещё, кроме пения – когда кто-то подхватывал, а кто-то отставал, и всё сопровождалось глуховатым посторонним гулом – делали песню особенно прекрасной.

Цзинцю была под гипнозом; она чувствовала, что её перенесли в сказку.

Сумрак окутывал их, кухонный дым колечками устремлялся в небо, и деревенские запахи плыли по воздуху. Её слух был наполнен звуками аккордеона и низким рокотом мужских голосов. Эта чужая горная деревня сразу стала своей; нужно смаковать её аромат, подумала Цзинцю, по привычке стараясь выразить всё словами. Её чувства погрузились в то, что можно было описать словами *мелочная капиталистическая атмосфера*.

Хуань Хуань вырвался из рук Цзинцю и вбежал в строевые. Цзинцю догадалась, что аккордеонист, должно быть, и есть дядя Хуань Хуаня, Третий Старче, третий сын товарища Чжана. Ей стало любопытно: этот третий сын больше похож на старшего Сеня или на второго, Линя? Она втайне надеялась, что он больше похож на Сеня.

Такую прекрасную музыку просто не могли играть руки мужчины, подобного Линю. Она знала, что несправедлива к Линю, но всё же, всё же...

Глава вторая

Появился молодой человек с Хуань Хуанем на руках. На нём было тёмно-синее, хлопковое пальто до колен, которое, вероятно, входило в спецодежду геологической партии. Маленькое тело Хуань Хуаня закрывало большую часть его лица, и только тогда, когда он подошёл почти вплотную к Цзинцю и опустил малыша на землю, она увидела его лицо.

Её рациональный взгляд подсказывал, что перед ней не типичный работяга. Лицо его не было черновато-красным, оно было белым; его тело не *глыба, подобная железной башне*, а стройный силуэт. И брови его, хоть и густы, но совсем не такие, что рисуют на пропагандистских плакатах, где они расходятся, как два кинжала.

Его вид напомнил Цзинцю фильм, снятый накануне Культурной революции. Назывался он «*Молодое поколение*». В нём был персонаж, который обладал, как тогда это называли, *ретроградным мышлением*. Третий Старче несколько не походил на революционера или храброго солдата – он больше напоминал мелкого буржуа – и оказалось, что Цзинцю восхищает как раз эта его не-революционность.

Она почувствовала, как сердце забилося учащённо, и разволновалась, вдруг осознав, как выглядит со стороны она сама и её одежда. На ней был старый костюм с хлопковым под-

боем, который носил ещё её брат. Костюм немного напоминал тот, в котором изображают Мао, за исключением того, что у пиджака был только один карман. Стоячие воротники на таких костюмах были коротки, а шея у Цзинцю была на редкость длинной. Она уверила себя, что должна напоминать жирафа. Из-за того, что её отца сослали на перевоспитание в трудовой лагерь в деревню, когда она была ещё совсем юной, семейству приходилось выживать только на зарплату матери. Им всегда не хватало денег, поэтому Цзинцю донашивала старую одежду своего брата.

Она никак не могла припомнить, волновало ли её прежде, во что она одета; впервые её беспокоило, не производит ли она плохое впечатление своим костюмом. Давно она не чувствовала себя настолько застенчивой. Когда Цзинцю ходила в начальную, а потом и в среднюю школу, ученики, случалось, задирали её, но как только она перешла в старшую ступень средней школы, ни один из них уже не смел посмотреть ей прямо в глаза. Мальчики в её классе, казалось, боялись её и краснели, когда она с ними заговаривала, поэтому ей и в голову не приходило, нравится ли им то, как она выглядит или во что одета. Они были глупы, как шобла маленьких уродов.

Но стоявший перед нею хорошо одетый мужчина привёл её в трепет, задел её сердце. Ворот его белоснежной рубашки выглядывал из-под незастёгнутого синего пальто. Его рубашка, опрятная и отутюженная, была сшита, должно быть,

из полиэстера, который Цзинцю совершенно не могла себе позволить. Его джемпер цвета серого риса был ручной вязки, и Цзинцю, большая любительница вязать, отметила про себя, что рисунок был замысловатым. Обут он был в пару кожаных туфель. Она скользнула взглядом по своим собственным выцветшим туфлям фабрики «Освобождение» и подумала: что ж, он богат, я из бедных, похоже, мы из разных миров.

С лёгкой улыбкой он спросил у Хуань Хуаня:

– Это и есть тётенька Цзинцю?

Обращаясь к ней, он уточнил:

– Ты сегодня приехала?

Он говорил на северном диалекте, а не на диалекте уезда или диалекте её города.

Цзинцю стало интересно, с кем он будет говорить на северном диалекте в этой округе. Её собственный северокитайский был превосходен, благодаря чему она вела радиопередачи в школе и часто её выбирали чтецом на сборах и спортивных мероприятиях. Но она стеснялась говорить на нём, так как, кроме людей из других уездов, никто им не пользовался в повседневной жизни. Цзинцю не понимала, почему с нею он заговорил именно на северокитайском. Поэтому она ограничилась коротким м-м-м в ответ.

Он спросил:

– Мой дорогой товарищ писатель приехал через Илин или через Город-на-Яньцзя?

Диалект его был просто музыкой.

– Я не писатель, – смущённо ответила Цзинцю. – Не надо меня так называть. Я приехала через Илин.

– Тогда, должно быть, ты валишься с ног от усталости, поскольку от города необходимо идти, там даже минитрактор не пройдёт.

И он протянул свою руку к ней и разжал кулак.

– Возьми конфетку.

Цзинцю увидела у него на ладони две конфеты, завернутые в бумажки. Они совсем не были похожи на те, что можно было купить на рынке дома. Он заробела и покачала головой:

– Я не буду, спасибо. Отдайте их малышу.

– А ты уже состарилась для конфет?

Конечно! для него она была сущим ребёнком.

– Я? Вы разве не слышали, как Хуань Хуань назвал меня тётенькой?

Он засмеялся. Цзинцю понравился его смех. Есть люди, которые только шевелят мускулами на лице, когда смеются, их губы изображают счастье, в то время как глаза грустят с выражением холода и отстранённости. Но когда смеялся он, мелкие чёрточки появлялись по обе стороны его носа, а глаза смотрели чуть-чуть искоса. Смех исходил изнутри него, а не от насмешки.

– Всего не нужно быть ребёнком, чтобы есть конфеты, – сказал он, протягивая ей руку снова. – Бери, не надо стес-

няться.

У Цзинцю не было выбора, кроме как взять конфету, но она тут же оговорила своё условие:

– Я возьму её для Хуань Хуаня.

Хуань Хуань тут же бросился к ней, просясь на руки. Цзинцю не знала, что она такое сделала, что тот так к ней привязался, и была слегка удивлена. Она взяла его на руки и сказала Третьему Старче:

– Тётяшка Чжан хочет, чтобы вы пришли домой на ужин. Нам пора. –

Давай-ка дядя понесёт тебя, – сказал Третий Старче. – У твоей тётяшки был долгий день, она натопталась сегодня вдоволь и, должно быть, очень устала.

Он выхватил Хуань Хуаня из рук Цзинцю и подал ей знак, чтобы она шла впереди. Цзинцю отказалась, потому что ей стало страшно, что он будет смотреть на неё сзади и думать, какая же у неё неуклюжая походка, или увидит, что одежда на ней с чужого плеча. И Цзинцю сказала:

– Идите первым. Я... не знаю дороги.

Он не стал настаивать и пошёл впереди с Хуань Хуанем на руках, позволив Цзинцю идти следом. Она наблюдала за ним, думая, что он идёт, как хорошо обученный солдат, просто марширует, почти не сгибая в коленях ног. Он не походил ни на одного из своих братьев, как будто был вообще из другого семейства.

Цзинцю спросила:

– А это вы играли на аккордеоне?

– М-м-хм, ты слышала? Значит, ты слышала и все мои косяки.

Цзинцю не видела его лица, но чувствовала, что он улыбается. Она запнулась:

– Я... нет, ну какие косяки? Я-то вообще не играю.

– Такая скромность может означать только одно: ты, должно быть, эксперт, несмотря на свой юный возраст.

Он остановился и обернулся.

– Детей учат, что лгать нехорошо... Значит, ты играешь.

Привезла аккордеон с собой?

Когда Цзинцю отрицательно покачала головой, он сказал:

– Ладно, возьмём мой. Можешь наиграть мне пару мелодий.

От страха Цзинцю замахала руками.

– Нет-нет, у меня нет способностей, вот вы играете... действительно хорошо. Не буду я играть.

– Хорошо, в другой раз тогда, – сказал он и зашагал снова.

Цзинцю спросила:

– Как вышло, что здешние люди знают «Ой, боярышник милый...»?

– Да это известная песня. Она была популярна лет пять или десять тому назад, многие её знают. А ты знаешь слова?

Её мысли перепрыгнули от песни к боярышнику на горе.

– В песне говорится, что у боярышника белые цветы, но сегодня товарищ Чжан сказал, что боярышник на горе цветёт

красным.

– Да, у некоторых боярышников красные цветы.

– Но у того дерева это же потому, что кровь храбрых солдат оросила его корни, превратив белые цветы в красные?

Она чувствовала себя немного глупой. Она думала, что он смеётся, и потому торопливо спросила:

– Вам этот вопрос кажется глупым, да? Я только хотела уяснить для себя. Я участвую в составлении учебника и не хочу включать какое-нибудь враньё.

– А и не надо врать. Записывай всё, что тебе говорят. А правда там или враньё – не твоя проблема.

– А вы верите, что цветы окрашены кровью солдат?

– Нет, не верю. С научной точки зрения это невозможно, они всегда должны быть красными. Но это то, что говорят люди, и, конечно, из этого выходит хороший рассказ.

– Так вы думаете, что все здесь врут?

Он засмеялся:

– Не совсем врут, они просто поэтичны. Мир существует объективно, но ощущение этого мира у каждого человека различается, и если взглянуть на мир глазами поэта, то увидишь иной мир.

Цзинцю подумала, что он мог бы быть весьма «литературным», или, как сказал бы отличник правописания в её классе, парящим. –

Вы когда-нибудь видели, как цветёт боярышник?

– Ага. Он цветёт каждый май.

– Ой, а я уезжаю в конце апреля, так что у меня не получится увидеть это.

– Всегда можно вернуться. В этом году, когда боярышник зацветёт, я дам тебе знать, и ты приедешь посмотреть.

– А как вы дадите мне знать?

Он снова рассмеялся.

– Способ найдётся всегда.

Это он обещал впустую. Телефоны были редкостью. В Средней школе №8 стоял только один аппарат, а если нужно было позвонить по межгороду, то приходилось идти через весь город на переговорный пункт. А в таких местах, как Западная Деревня, и телефона-то, вероятно, нет.

Он, похоже, ломал голову над той же проблемой.

– В этой деревне нет телефона, но, вообще-то, можно бы написать тебе письмо.

Если он напишет ей письмо, то первой его получит, вне всяких сомнений, мать и испугается до смерти. С самого раннего детства мать говорила ей, что даже один неосторожный шаг ведёт на дорогу невзгод. Несмотря на то, что мать так и не объяснила ей, что значит неосторожный шаг, Цзинцю догадывалась, что одной встречи с юношей, вероятно, хватило бы с лихвой.

– Не надо письма, не надо, – сказала она. – Если мать увидит, то что подумает?

Он обернулся.

– Не волнуйся. Если не хочешь, чтобы я писал, я и не буду.

Боярышник не такое растение, что цветёт одну ночь и затем умирает. Боярышник цветёт дольше. Просто выбери воскресенье в мае, приезжай и полюбуйся.

Как только они добрались до дома товарища Чжана, он опустил Хуань Хуаня на землю и вошёл вместе с Цзинцю. Собралось всё семейство. Первой представилась Фэнь, а затем представила всех остальных: вот это мой младший брат, а это – моя невестка. Цзинцю повторяла – брат, невестка, – и все улыбались, все были счастливы, что она остановилась у них.

Последним Фэнь показала на Третьего Старче и сказала: – Это – мой третий брат, поздоровайся с ним.

Цзинцю послушно приветствовала его – третий брат, – при этом все засмеялись. Цзинцю не поняла, что тут было такого смешного, и покраснела.

Третий Старче объяснил:

– На самом деле я не член семьи. Я тут жил временно, как ты сейчас. Но им нравится называть меня так. Тебе не стоит. Меня зовут Сунь Цзяньсинь. Можешь называть меня моим настоящим именем или, как все зовут меня, Третий Старче.

Глава третья

На следующий день Ассоциация реформы образования Средней школы №8 Ичана принялась за работу. Несколько следующих недель они брали интервью у селян, слушая их рассказы о войне с японцами, рассказы о том, что значит быть *деревней для сельскохозяйственных исследований*, рассказы о том, как они сражались против такого-то и такого-то капиталиста во власти. Иногда они ходили осматривать местные достопримечательности исторического значения.

По вечерам, закончив свои интервью, члены Ассоциации вместе обсуждали, что они собирались писать и *кто о чём*. Они расходились и писали свои разделы, потом сходились снова и читали вслух то, что написали, и отмечали для себя, что нужно перепроверить. В дополнение к работе над учебником, они проводили один день в неделю в полях с коммунарами. Коммуна не отдыхала по воскресеньям, поэтому не было выходного и у Цзинцю. Члены Ассоциации реформы образования по очереди ездили домой в Ичан, чтобы отчитаться о своих успехах, и там, дома, им разрешали двое суток отдохнуть.

Каждую среду и воскресенье вторая дочь Чжанов, Фан, возвращалась из школы в Городе-на-Яньцзя. По возрасту она была близка Цзинцю, и, поскольку спали они в одной

кровати, то быстро стали подружками. Фан учила Цзинцю сворачивать лоскутное одеяло в особую треугольную форму, а Цзинцю помогала Фан составлять эссе. По вечерам они засиживались допоздна, разговаривали, главным образом о втором брате Фан, Лине, кого они называли *Вторым Старче*, а её мнимого брата – *Третьим Старче*.

Обычаем в этой деревне было то, что сыновья в каждом семействе получали прозвища в соответствии со своим возрастом. Поэтому самого старшего называли Первый Старче, второго сына – Второй Старче, а третьего – Третий Старче. Для дочерей такого обычая не существовало; им семейство просто добавляло ласковое ятоу, или девчурка, к именам. Так, Фан называли девчурка Фан, а Фэнь – девчурка Фэнь. Разумеется, это длилось только до тех пор, пока девочки были в составе семьи, а, выйдя замуж, они уезжали, чтобы прилепиться к семьям мужей; говорили, что замужняя дочь – пролитая вода.

Фан сказала Цзинцю:

– Мама говорит, что с тех пор, как ты здесь, Второй Старче стал очень трудолюбивым. Он прибегает домой несколько раз на дню, чтобы натаскать воды, так как он переживает, что вы, городские девочки, любите мыться чаще, чем мы, селянки. И он думает, что ты не привыкла к холодной воде, поэтому каждый день кипятит много бутылок, чтобы у тебя была вода и попить, и умыться. Мама просто счастлива – она думает, что он старается тебе понравиться, чтобы ты стала

его женой.

Цзинцю почувствовала себя неловко. Она знала, что не могла отплатить Линю за его доброту тем, на что он, возможно, рассчитывал.

Фан продолжила:

– Третий Старче тоже хорошо к тебе относится. Мать сказала, что он приходил заменить стекло в твоей керосиновой лампе. Он говорит, что наше стекло слишком тёмное, и это плохо для твоих глаз. А ещё он дал маме денег и сказал, чтобы она не экономила на электроэнергии.

Цзинцю была вне себя от радости, но ответила просто:

– Это только потому, что он переживает за твои глаза. В конце концов, это же твоя комната.

– Это давно моя комната, но разве он когда-нибудь приходил заменить стекло в моей лампе?

Когда Цзинцю в следующий раз натолкнулась на Третьего Старче, она попыталась отдать ему деньги, но он не принял. Они заспорили, и Цзинцю уступила. И всё же когда она приготовилась к отъезду, то положила немного денег на стол и оставила записку, точно так же, как это делали солдаты 8-й Маршевой Армии. Никто никогда не был так внимателен к ней, поскольку на ней висело бремя плохого классового происхождения. Она чувствовала, что украла какую-то новую жизнь, так как Тётенька и всё семейство не знали об её происхождении. Подожди, вот они узнают, думала она, и не посмотрят уже на меня как прежде.

Однажды утром Цзинцю встала и принялась сворачивать лоскутное одеяло, когда обнаружила на простыне пятно крови размером с яйцо. Старый дружок вернулся. Он всегда являлся как раз перед тем, как должно было произойти что-то важное. Вот и теперь он наносил свой обычный упреждающий удар. Всякий раз, когда её класс должен был идти изучать промышленное производство, исследовать сельское хозяйство или заниматься военной подготовкой, её старый дружок являлся безо всякого предупреждения. Цзинцю бросилась собирать простыню. Она хотела осторожно отчистить пятно, но её смутило то, что придётся стирать в доме. В тот день как раз шёл дождь, поэтому ей пришлось ждать до полудня, когда он, наконец, прекратится, чтобы постирать простыню в реке.

Она знала, что ни в коем случае нельзя входить в холодную воду во время визита старого друга – мать всегда напоминала ей об этом, объясняя снова и снова все опасности. Нельзя пить холодную воду, нельзя есть холодную пищу и нельзя купаться в холодной воде, иначе будут у тебя и зубная боль, и головные боли, и ломота в теле. Но в тот день у Цзинцю не было выбора. Стоя на двух больших камнях в реке, она опустила простыню в воду. Река была мелкой, и как только она это сделала, то простыня запачкалась илом с русла реки. Чем больше она стирала, тем грязнее становилась простыня. Ну, решишь, сними обувь и зайди на глубину, подумала она. Когда она принялась снимать обувь, то услышала:

– Так ты здесь? Хорошо, что я тебя увидел, а то я как раз собирался пойти выше по течению помыть свои резиновые сапоги. Вот бы грязи было для твоих простыней.

Это был Третий Старче. С тех пор, как она назвала его братом и над ней все посмеялись, она не знала, как его называть, а если бы и знала, что сказать, то это ничего бы не значило, поскольку она не смогла бы выдавить из себя и слова. Всё, связанное с ним, стало табу, и на уста её легла печать. Но глазам, слуху и сердцу всё о нём было столь же дорого, как и Красная книжка Мао: ей хотелось читать, и слушать, и думать о нём весь день.

На нём всё ещё было хлопковое полупальто, но обут он был в пару высоких резиновых сапог, облепленных грязью. Цзинцю застеснялась: дождь льёт как из ведра сегодня, а я вот тут, стираю свои простыни. Он, должно быть, догадывается, что произошло. Она боялась, что он может спросить, и поэтому неистово перебирала мысли, отчаянно придумывая какую-нибудь правдоподобную ложь.

Но Третий Старче ничего не спросил, а просто сказал:

– Дай-ка мне, у меня резиновые сапоги, я могу зайти поглубже.

Цзинцю отказалась, но он уже снял своё хлопковое пальто, передал его ей и забрал простыню. Она прижала к себе его пальто и встала у берега, наблюдая, как он закатал рукава и широко шагнул на глубину. Сначала одной рукой он вымыл свои сапоги, а затем начал энергично гонять в воде

простыню.

Через некоторое время он взял её за концы и, словно забрасывая сеть, растянул на воде. Красное пятно покачивалось на поверхности. Он отпустил простыню и подождал, пока течение едва не унесло её. Цзинцю испугалась и подала голос. Третий Старче сунул руку в воду и вытянул простыню. Он так поиграл с простыней несколько раз, и Цзинцю успокоилась, и больше уже не боялась, что простыня уплывёт. Вместо этого она молча наблюдала за его движениями.

На сей раз он не стал ловить простыню, и течение подхватило её. Она смотрела, как та уплывала всё дальше и дальше, поскольку Третий Старче не предпринимал никаких попыток ухватить её. Цзинцю не могла уже больше молчать, она буквально завопила, что его только рассмешило, и он пробежал по бурлящей воде, чтобы доставить простыню назад.

Стоя в воде, он обернулся, посмотрел на неё и произнёс:

– Замёрзла? Надень моё пальто.

– Мне не холодно.

Он выпрыгнул на берег и набросил своё пальто ей на плечи, смерил её взглядом и затрясся от смеха.

– Что? В чём дело? – спросила она. – Плохо выгляжу?

– Нет, просто пальто тебе слишком велико, вот и всё. В нём ты похожа на гриб.

Глядя на его руки, красные от холода, она спросила:

– А ты не замёрз?

– Я стал бы хвостуном, если бы сказал, что мне жарко, –

засмеялся он, – но через минуту всё будет в порядке.

Он вернулся в воду, продолжил стирать простыню, потом выжал её и поднялся назад на берег. Она передала ему пальто, а он взял таз с простынёй. Цзинцю попыталась отнять у него таз, сказав при этом:

– Иди на работу. Я сама отнесу, спасибо большое.

Он не уступал.

– Сейчас обед. Я работаю здесь поблизости, потому и пошёл в перерыве к Тётеньке.

Вернувшись домой, он показал ей бамбуковый шест, используемый для сушки одежды, который находился под карнизом в задней части дома, нашёл тряпку, протёр шест дочиста и затем помог ей повесить и закрепить простыню, чтобы та сохла на солнце. Всё у него выходило очень естественно.

– Как это ты так наловчился в работе по дому?

– Я долго жил вдалеке от дома. Я могу всё делать сам.

Тётенька, услышав это, поддразнила его.

– Ну и хвастун! Моя Фэнь стирает твоё лоскутное одеяло и простыни.

Фэнь, должно быть, равнодушна к нему, подумала Цзинцю, иначе с какой стати она бы стирала его простыни?

В эти недели Третий Старче приходил к Тётеньке на обед почти каждый день. Иногда он мог прикорнуть, иногда перебрасывался парой слов с Цзинцю, а иногда приносил яйца и мясо с тем, чтобы Тётенька могла приготовить что-нибудь вкусненькое для всех. Никто не знал, где он их брал, так как

всё это выдавалось по талонам. При случае он приносил даже фрукты, что было редкостным лакомством, поэтому его приход радовал всех.

Однажды он попросил Цзинцю показать ему, что она написала, так замотивировав свою просьбу:

– Цзинцю, я знаю, что хороший мастер не показывает недоделанный шедевр, но твоё творение не осколок нефрита, а история деревни. Ты позволишь мне посмотреть, что ты написала? Цзинцю не смогла отговорить его и дала ему почитать своё произведение. Третий Старче читал его внимательно и после вернул.

– У тебя, безусловно, талант, но заставлять тебя писать такой материал, ну, в общем, это – пустое.

– Почему?

– Всё это случайные эссе, не связанные между собой. Они не очень интересны.

Его слова потрясли Цзинцю: он произносил что-то совершенно реакционное. В глубине души ей тоже не нравилось писать эти эссе, но и никакого выбора у неё не было. Он понимал, что она многое вложила в эту работу, поэтому попробовал успокоить её:

– Просто пиши, что хочешь, и это будет прекрасно. Не напрягайся так сильно над таким материалом.

Она убедилась, что вокруг никого нет, и спросила:

– Ты говоришь, не *напрягайся так сильно над таким материалом*. Хорошо, а над чем нужно напрягаться?

– Над тем, о чём хочется писать. Ты когда-нибудь писала рассказы или стихи?

– Нет. Кому понравится рассказ, который я напишу?

Он удивился.

– А как ты думаешь, какие люди пишут рассказы? Я думаю, у тебя есть все задатки писателя: у тебя хороший стиль, и, что ещё более важно, у тебя пара поэтических глаз, ты видишь поэзию в жизни.

Цзинцю подумала, что он снова *воспарил*, поэтому сказала:

– Ты постоянно говоришь о том, что нужно быть поэтичным, что всё на свете поэтично. Что конкретно ты имеешь в виду под словом поэтичный?

– В прошлом я бы имел в виду просто всё поэтичное. В наши дни, конечно, я вкладываю в это слово понятие *революционный романтизм*. –

Похоже, ты знаешь, о чём говоришь. Почему бы тебе не написать какой-нибудь рассказ?

– Я хочу писать, но всё это никто никогда не осмелится опубликовать. Как-то не хочется писать то, что никогда не будет издано, – засмеялся он. – Культурная революция началась, когда ты, должно быть, пошла в школу, а я уже учился в старшей ступени средней школы. На меня капитализм повлиял глубже, чем на тебя. Мне всегда хотелось учиться в университете, в Пекинском университете, или в университете Цинхуа, но я родился слишком поздно.

– Рабочие, крестьяне и солдаты могут теперь учиться. Почему бы тебе не попробовать?

– А смысл? В университете теперь ничего не изучишь, – сказал он, отрицательно покачав головой. – А что ты собираешься делать, когда закончишь школу?

– Работать в поле.

– А после того?

Цзинцю расстроилась – она не видела, что у неё будет *после того*. Как и всех других молодых горожан, её брата отправили в поля несколько лет назад безо всякой возможности вернуться. Он хорошо играл на скрипке; его приглашали и в уездную концертную бригаду, и в Ансамбль политический песни и танца армии и флота, но всякий раз, когда его проверяли на политическую благонадёжность, приглашение отзывали. Уязвленная, она сказала:

– Нет у меня никакого *после того*. После того, как меня отправят в поля, у меня не будет шанса вернуться, потому что классовый статус моей семьи очень плох.

Он ободрил её.

– Это не так. Разумеется, ты сможешь вернуться, это только вопрос времени. Не думай слишком много об этом и не заглядывай далеко в будущее. Каждый день мир меняется. Кто знает, к тому времени, когда ты окончишь школу, эту политику, возможно, отменят, и тебя вообще никуда не отправят.

Цзинцю чувствовала, что ей нечего ему сказать. Он был

сыном чиновника, и несмотря на то, что тоже где-то пострадал, сейчас у него всё было хорошо. Его никогда не посылали учиться у крестьян, но сразу же назначили в геологическую партию. Люди как он не могут понять людей как я, подумала она, не могут понять, почему я переживаю.

– Я хочу вернуться к работе, – сказала она, взяв ручку и делая вид, что начинает.

Он больше не сказал ничего, но пошёл покемарить и поиграть с Хуань Хуанем, пока не настало время возвращаться на работу.

Однажды он вручил ей толстую книгу «*Жан-Кристоф*» Ромена Роллана.

– Читала?

– Нет. Откуда она у тебя? – спросила Цзинцю.

– Мама купила. Мой папа чиновник, а мама – нет. Может быть, ты уже знаешь, но сразу же после Освобождения, в начале 1950-х, приняли новый закон о браке. Многие партийные кадры побросали своих жён на селе и взяли себе в жёны новых, милovidных, образованных городских девушек. Моя мама как раз и была одной из таких юных девушек, дочерью капиталиста. Может быть, она и за отца вышла замуж, чтобы изменить свой классовый статус. Кто знает? Но она считала, что папа её не понимал, поэтому ожесточилась и погрузилась в депрессию. Большую часть жизни она провела в книгах. Она обожала читать, и книг у неё было много, но когда началась Культурная революция, она струсила и львиную их

долю сожгла. Мой младший брат и я спасли немного. Тебе интересно?

Цзинцю сказала:

– Это всё очень капиталистично, но, полагаю, мы могли бы усваивать это критически?

И опять он посмотрел на неё, как на ребёнка.

– Это всё всемирно известные книги. Только... прямо сейчас в Китае, ну, в общем, не самое благоприятное время. Но известные произведения известны по своим причинам, а не становятся макулатурой из-за каких-то временных перемен. У меня ещё есть, если тебе будет интересно, но тебе нельзя читать слишком много, а то это скажется на твоей манере письма. А ещё я мог бы помочь тебе с этой самой манерой.

Он тут же присел, чтобы помочь ей с некоторыми абзацами.

– Я многое знаю об истории Западной Деревни. Я кое-что напишу, а ты отнеси это своим учителям и друзьям и посмотри, заметят ли они разницу. Если не заметят, то я буду помогать тебе.

Когда она отнесла свою работу группе, оказалось, что никто не смог сказать, что это не она написала. Так он стал её *наёмной рукой*. Он приходил каждый день на обед, чтобы помочь ей написать свою долю в учебник, а она проводила время за чтением романов.

Глава четвёртая

Однажды Ассоциация реформы образования направилась в полном составе на восточную окраину деревни, чтобы посетить горную пещеру, утёс Хэйву, который, как говорили, был тайным местом во время войны против Японии. Предатель показал его расположение японцам, которые затем окружил пещеру, в которой скрывались более двадцати селян, и подожгли её; те, кто выбежал, были застрелены, те, кто остался, сгорели заживо. На сырых стенах пещеры до сих пор сохранились следы того пламени.

Это была самая ужасная страница в истории Западной Деревни, и по мере того, как группа слушала рассказ, глаза ребят наполнялись слезами. После этого похода предполагалось, что ученики перекусят, но аппетит у всех пропал. Все были согласны, что мы живы сегодня только потому, что эти революционные мученики проливали свою кровь и жертвовали своими жизнями! И тут же начали обсуждать, как представить эти события в одной главе учебника, и так проговорили без перерыва до двух часов дня.

Цзинцю вернулась в дом Тётеньки, но не увидела там Третьего Старче. Он, должно быть, приходил и затем ушёл назад на работу. Она наспех проглотила остатки обеда и поспешила в свою комнату, чтобы записать всё, что услышала

утром. Третий Старче не пришёл и на следующий день, что уже встревожило Цзинцю. Может быть, он вчера приходил и рассердился, что меня нет? Он что, больше не вернётся? Нет, это невозможно: с каких это пор я стала настолько важной, чтобы возбудить такие чувства в Третьем Старче?

Дни шли, а Третий Старче не приходил. Цзинцю чувствовала себя подавленной и пыталась понять, что же она сделала не так. Она не могла писать, не могла есть, но могла только думать снова и снова об одном – почему не приходит Третий Старче? Она подумывала, не спросить ли у Тётенки и семьи, знают ли они, куда он уехал, но не осмелилась: а вдруг все подумают, что между ними что-то такое было?

Вечером, используя Хуань Хуаня как прикрытие, она повела его погулять к лагерю геологической партии, чтобы найти Третьего Старче. Когда они подошли близко, Цзинцю не услышала звуков аккордеона. Она простояла долго, но так и не набралась смелости войти в здание, чтобы справиться о нём, и заторопилась назад. В конце концов, она не могла уже больше выносить эту пытку и, стараясь выглядеть равнодушной, спросила Тётенку:

– Хуань Хуань меня спрашивал, почему Третий Старче не приходит последнее время?

– Мне тоже интересно почему. Может быть, он дома, навещает семью.

Цзинцю похолодела. Дома, навещает семью? Он уже женат? Она никогда не спрашивала его, женат ли он, и он ни-

когда не поднимал эту тему. Фан тоже ничего не говорила об этом, но она никогда и не говорила, что он холост. Третий Старче говорил, что он ходил в старшую ступень средней школы, когда началась Культурная революция, а значит, он должен быть лет на семь или восемь старше меня, подумала она, так как в то время я ходила во второй класс начальной школы. Если он не последовал призыву Партии вступить в брак попозже, то вполне мог быть женат. Мысль об этом причиняла ей боль, она чувствовала себя обманутой. Цзинцю перебирала в памяти каждое мгновение, что они провели вместе, и поняла, что он не обманывал её, нет, разумеется. Они разговаривали, он помогал ей писать и ничего больше. Он ни сказал, ни сделал ничего предосудительного.

Под стеклом на столе в её комнате была фотография Третьего Старче, очень маленькая, не больше дюйма, которую, должно быть, снимали для какого-то официального документа. Часто, когда вокруг никого не было, Цзинцю забывалась, глядя на эту фотографию. После знакомства с ним пролетарская эстетика больше не доставляла ей удовольствия. Ей просто нравилось смотреть на его лицо, его профиль, слушать его слова, вспоминать его улыбку. Черновато-красные лица, железные тела – пусть всё идёт к чёрту. Но он больше не приходит сюда, может быть, он почувствовал, что я ошущаю, и скрывается? Она скоро уедет из Западной Деревни и, возможно, больше никогда не встретится с ним снова. И если она так расстроилась из-за того, что не видит его несколько

дней, то как же она справится с тем, что не увидит его снова никогда?

Часто так случается, что человек не понимает, что влюблён, пока внезапно не расстаётся с предметом своей привязанности. Только тогда он осознаёт, насколько глубоки его чувства. Цзинцю прежде никогда не испытывала такую тоску. Она чувствовала, что подсознательно отдала ему своё сердце, и теперь оно с ним, где бы он ни был. Если он хотел причинить ей боль, всё, что ему нужно было сделать, – уколоть её сердце; если он хотел осчастливить её, всё, что ему нужно было сделать, – просто улыбнуться ему. Она не знала, как это она смогла оказаться такой беспечной. Они были из двух разных миров – как же она могла позволить себе влюбиться в него?

В ней не было ничего достойного привязанности Третьего Старче, и он приходил к Тётеньке, потому что хотел отдохнуть, и ничего другого. Может быть, он был одним из тех ухажёров, о которых ты читала в книгах, у кого есть все уловки для того, чтобы девушки теряли голову. Третий Старче, должно быть, разыграл её, потому что теперь она не могла от него отказаться, и он знал это. Вот это, должно быть, и есть то, что её мать подразумевала под одним неосторожным шагом. Она вспомнила сцену из «Джейн Эйр», в которой для того, чтобы избавиться от своей любви к Рочестеру, Джейн смотрит в зеркало и говорит про себя что-то вроде: «Ты обыкновенная девушка, ты недостойна его любви, и ни-

когда не забывай этого».

На последней странице своего блокнота Цзинцю написала клятву: «Обещаю провести линию между собой и любыми капиталистическими мыслями, и направить все свои усилия на учёбу, работу, написание учебника и предпринять конкретные действия, чтобы отблагодарить руководство моей школы за то доверие, которое они мне оказали». Ей нужно быть благоразумной, ведь она знала, что подразумевалось под капиталистическими мыслями. Несколько дней спустя, однако, её капиталистические мысли снова всплыли на поверхность. Шла вторая половина дня, было почти пять часов, и Цзинцю писала у себя в комнате, когда услышала, как Тётенька сказала:

– А, вернулся? Навещал семью?

Голос, который бросил её в дрожь, ответил:

– Нет, я ездил поработать во второй партии.

– Хуань Хуань всё спрашивал о тебе. И мы по тебе скучали.

Цзинцю хотела подняться, но затем поразмыслила: так, по крайней мере, Тётенька не сказала, что это я спрашивала, пусть во всём будет виноват Хуань Хуань. Она слышала, как козёл отпущения побегал по гостинной прежде, чем вошёл, чтобы вручить ей конфеты, очевидно, от Третьего Старче. Она взяла их, но затем передумала и отдала Хуань Хуаню, с улыбкой наблюдая, как тот тут же сорвал обёртки сразу с двух и захомячил их себе за обе щёки.

Цзинцю настроилась решительно: она будет сидеть, не двигаясь, в своей комнате. Она не будет выходить, чтобы увидеть Третьего Старче. Она слушала, как он болтает с Тётенкой. Цзинцю сделала длинный выдох, и вместе с воздухом из неё вышла и клятва. Она отчаянно хотела видеть его и обменяться парой слов с ним, но всё же сказала себе: Цзинцю, вот момент истины, сдержи своё слово. Так она и сидела камнем, отказываясь выйти и встретиться с ним.

Через какое-то время голос его пропал, и думая, что он уже ушёл, она горько об этом пожалела. Я упустила редкую возможность встретиться с ним, так? Она встала в полном расстройстве, желая хотя бы посмотреть, куда он ушёл. Беглого взгляда было достаточно, чтобы утешить себя. Она встала, повернулась и увидела, что вот он, стоит, прислонившись к дверному косяку, и смотрит на неё.

– Куда это ты наострилась? – спросил он.

– Я... мне нужно отойти.

Во дворе была грубая надворная постройка, и выражение нужно отойти кратко означало визит в это отхожее место. Он улыбнулся и сказал: –

Отойди, не буду мешать. Я подожду тебя здесь.

Она как-то глуповато взглянула на него и отметила, что он похудел; щёки впали, на подбородке появилась щетина. Она никогда не видела его таким, обычно он был хорошо выбрит. Цзинцю спросила:

– Тяжело было... там?

– Не очень, техника не требует слишком много сил.

Он провёл рукой по лицу и спросил:

– Похудел, да? Я почти не спал.

Он внимательно посмотрел на неё, и она ещё больше за-нервничала. Может быть, и у меня щёки запали? Цзинцю сказала тихо:

– Как так вышло, что ты уехал и ничего не сказал Тётеньке? Хуань Хуань всё время о тебе спрашивал.

Он всё ещё пристально смотрел на неё и ответил так же тихо, в тон ей: «Мне пришлось уезжать второпях. Был у меня план прийти и сказать тебе... всё, но я успел только забежать на почту, пока ждал автобус в Городе-на-Яньцзя, и сказал Сению. Наверное, он забыл. Впредь я не буду полагаться на кого-либо, чтобы дать тебе знать, а приду и скажу сам».

Цзинцю похолодела. Что он имеет в виду? Он умеет читать мысли? Он знает, как я по нему скучала?

– Почему мне? Какое мне дело... куда ты едешь?

– Тебе нет дела, куда я еду, но я хочу сказать именно тебе, понятно?

Он слегка запрокинул голову и говорил резким голосом. Смущённая, Цзинцю не знала, что сказать и бросилась во двор. Вернувшись в свою комнату, она обнаружила, что Третий Старче сидит за её столом и листает её блокнот. Она бросилась к нему, захлопнула блокнот и сказала:

– Как ты смеешь просматривать чужие записи без спросу?

Он улыбнулся и передразнил её.

– Как ты можешь сочинять что-то о людях без спросу?

– Где я написала что-то о тебе? Я где-нибудь хотя бы твоё имя упомянула? Это было... такое решение, вот и всё.

– А я и не говорил, что ты написала обо мне. Я имел в виду, что ты не спрашивала разрешения у тех солдат, что воевали с японцами. Ты написала обо мне? Где? Разве это не история деревни?

Она проклинала себя за то, что упомянула о решении; он, видимо, всего лишь просматривал рассказы на тех страницах, которые успел открыть. К счастью, он не стал спрашивать далее, а вместо этого положил на стол совершенно новую авторучку.

– Отныне пользуйся только этой ручкой. Я давно хотел подарить её тебе, да всё случая не было. Твоя протекает, твой средний палец постоянно в чернилах.

У него всегда было много ручек, выстроенных в шеренгу в нагрудном кармане его пальто, и она как-то даже посмеялась над ним.

– Ты такой интеллектуал, у тебя так много ручек.

Он тогда ответил:

– Ты разве не слышала? Одна ручка означает, что ты ученик, две ручки означают, что ты – профессор, а три ручки...

Он сделал паузу.

– Что? У кого три ручки? У писателя?

– Три ручки – и ты уже мастер по ремонту ручек.

– Стало быть, ты мастер по ремонту ручек? – засмеялась

она.

– Ага. Мне нравится чинить вещи, ремонтировать авторучки, ручные часы, настенные. Я даже как-то разобрал аккордеон только для того, чтобы посмотреть, как он устроен внутри. Но я взглянул на твою старую ручку и понял, что её нельзя отремонтировать, её нужно просто заменить. Когда представится случай, я куплю тебе новую. Тебе не страшно заполучить кляксу на лице от этой старой ручки? Вас, девушек, это особенно смущает.

Она не ответила. Её семья была бедной, поэтому она не могла позволить себе новую ручку. Эта старая ручка в своё время тоже была подарком. А теперь он протягивал ей новую ручку.

– Нравится?

Цзинцю взяла её. Это была красивая авторучка марки «Золотая звезда», просто восхитительная. Она не могла даже допустить мысль о том, что в неё нужно заправить чернила. Она подумала, что могла бы принять её, а позже расплатиться с ним, но тут же вспомнила, что даже те деньги, которые её матери пришлось заплатить заранее за питание в этой экспедиции, были взяты займы. Цзинцю вспомнила об этом, ей стало стыдно, и она возвратила ручку Третьему Старче.

– Я не хочу её. Моя ручка работает нормально.

– Почему ты не хочешь? Она тебе не нравится? Когда я её покупал, то подумал, что тебе, вероятно, не нравится чёр-

ный, но эту модель не выпускают в других цветах. Мне кажется, это хорошая ручка, перо тоненькое, в самый раз для твоих прекрасных иероглифов.

Он сделал паузу.

– Пользуйся пока этой ручкой, а в следующий раз я куплю тебе лучше.

– Не надо, не покупай. Дело не в том, что мне не нравится эта, она хорошая, слишком хорошая... и дорогая.

Он расслабился.

– Она не дорогая. При условии, что она тебе нравится. Почему бы тебе не заправить её и не попробовать?

И пока Третий Старче говорил, он достал её пузырёк для чернил и сам заправил ручку. Прежде чем писать, он покачал ручку из стороны в сторону, словно обдумывая какую-то замысловатую задачу. Закончив этот ритуал, он что-то быстро записал в её блокнот.

Через его плечо она увидела, что это стихотворение.

Коль жизнь – узкая тропа, будь впереди,

Чтоб не терял тебя мой взор;

Коль жизнь – широкий тротуар, будь рядом, руку дай мне,

Чтоб ты в пучине множества людей

Всегда была моей.

Ей очень понравилось.

– Кто это написал?

– Я просто записал то, что пришло мне в голову. Вообще-то, это не стихотворение.

Он настоял на том, чтобы Цзинцю приняла ручку, говоря, что, если она не сделает этого, то он пойдёт в её Ассоциацию и скажет им, что ручка – пожертвование, вручённое специально Цзинцю, чтобы дать ей возможность написать выдающуюся историю Западной Деревни. Цзинцю не была уверена, что он её поддразнивает, и забеспокоилась, что он и в самом деле может сотворить этакое, и тогда все всё узнают... и решила принять подарок. Но она дала слово, что расплатится с ним, как только что-нибудь заработает.

– Прекрасно, – сказал он, – я подожду.

Глава пятая

В следующую среду и четверг была очередь Цзинцю ехать домой в Ичан. Она уступила первые положенные ей два выходных своему однокласснику, Крепышу Ли, потому что здоровьем он был как раз не крепок вообще. Его лицо постоянно покрывалось пятнами, что требовало регулярных консультаций в больнице. Но ещё одной причиной, по которой Цзинцю позволила ему съездить вместо неё, было отсутствие денег на поездку домой. Зарплата её матери равнялась чуть более сорока юаням в месяц, и этого должно было хватать на проживание матери и сестры, на карманные деньги брату и на помощь отцу в трудовом лагере. Каждый месяц их расходы превышали доходы. Но внезапно классный руководитель прислал Цзинцю письмо с одним из членов Ассоциации. Школа собиралась устроить грандиозное представление, и классу срочно понадобилась Цзинцю, чтобы хореографически срежиссировать их выход. Они даже собрали ей деньги на автобус, так что выбора у неё не оставалось.

Мать Цзинцю преподавала в начальной школе Средней школы №8 и была коллегой классного руководителя Цзинцю. Классный руководитель знал, что семья Цзинцю бедна, и при регистрации в каждом семестре она устраивала так, что Цзинцю приостанавливали плату за учёбу. Семья не могла

позволить себе даже эти три-четыре юаня. Учитель Цзинцю также пыталась уговорить её потребовать стипендию от школы в пятнадцать юаней за семестр, но Цзинцю отказывалась: заявление требовало одобрения всего класса, а она не хотела, чтобы одноклассники знали её положение.

Вместо этого каждый год на летние каникулы она искала временную работу, в основном случайную и неквалифицированную, на стройке: таскала кирпичи, смешивала раствор и наваливала его лопатой в деревянные вёдра для каменщиков. Это означало, что ей приходилось стоять высоко на лестнице, ловить кирпичи, подброшенные снизу, а иногда даже помогать носить тяжёлые цементные панели. Работа была изнурительной и опасной, но Цзинцю удавалось зарабатывать один или два юаня в день, поэтому каждый год она возвращалась на эти галеры.

Мысль о поездке домой теперь и обрадовала её, и обеспокоила. Она была счастлива, что удастся повидать мать и сестру. Мать не отличалась добрым здоровьем, а сестра ещё слишком юна, так что Цзинцю переживала за них. Она знала, что могла помочь им купить уголь и рис и сделать кое-какую тяжёлую работу по дому. Но на самом деле ей не хотелось уезжать от Третьего Старче. Два дня дома означали два дня без него, и она знала, что не так уж много времени оставалось ей находиться в Западной Деревне до того, как придётся возвращаться в Ичан навсегда.

Когда Тётенька услышала, что Цзинцю уезжает домой на

два дня, она попыталась настоять на том, чтобы Линь проводил её через гору до автобуса. Цзинцю отказалась. Она заявила, что не хочет отрывать его от работы, понимая, что никогда не сможет отплатить ему за доброту той монетой, которой он от неё ждал.

Она знала от Фан, что несколькими годами ранее Линь влюбился в молодую городскую девушку, которую послали учиться у крестьян Западной Деревни. Было похоже, что она отвечала на чувства Линя только потому, что знала, какое влиятельное положение занимал в деревне товарищ Чжан. Позже она торжественно пообещала Линю, что выйдет за него замуж, если тот устроит ей возвращение в город. Линь так и сделал, попросив отца организовать её перевод. Она уехала навсегда, а всем говорила, что Линь сам виноват, потому что не сделал ей предложение. Этот случай сделал Линя посмешищем всей деревни, и даже малыши насмеялись над ним: «Глупый Линь, Глупый Линь, / Цыпа улетела и яйцо разбила; / Ищи-свищи её, когда / Она в город упылила».

Долго ещё горе бороздило лицо Линя. Он был вялым, отклоняя все предложения сватовства от друзей и семьи. Но с тех пор, как в их доме появилась Цзинцю, настроение его поднялось, и заметив это, Тётенька стала всячески поощрять Фан воздействовать в этом смысле на Цзинцю. Та решила, что самым изящным способом избежать такого поворота сердечных дел будет попросить Фан сказать Тётеньке, что у Цзинцю плохое классовое происхождение, и она не сможет

составить хорошую пару Линю. Прознав про это, Тётянька сама бросилась поговорить с Цзинцю.

– Что значит плохое классовое происхождение? Если ты выйдешь замуж за Линя, то оно улучшится не только у тебя, но и у твоих детей.

Цзинцю побагровела и мысленно взмолилась о том, чтобы земля под ней разверзлась и поглотила её. Она сказала:

– Я молода, молода ещё. Я не планирую найти партнёра так скоро. Я ещё учусь, и вообще, Партия стоит за поздние браки. Я не могу думать об этом, пока мне не исполнится двадцать пять.

– Выйти замуж в двадцать пять? Ты настолько постарелась, что будешь греметь костями как деревянная трещотка ночного сторожа. Девушки у нас в деревне рано выходят замуж. Наше предприятие может добыть тебе лицензию в любое время, так что можешь выйти замуж, когда только захочешь.

Тётянька Чжан заверила Цзинцю:

– Я же не говорю о том, что вы должны пожениться сию минуту. Я только хотела сказать, что если наш Линь тебе по сердцу, то это главное.

Цзинцю не знала, что сказать Тётяньке, и поэтому бросилась к Фан с мольбой объяснить это как-то своей матери.

– Второй Старче и я, нет, это невозможно. Я... не знаю, что ещё сказать, только это невозможно.

Фан всё это чрезвычайно удивило.

– Я знаю, что это невозможно, но не собираюсь быть гонцом с дурными вестями. Тебе придётся самой всё сказать.

За день до того, как Цзинцю должна была уехать в Ичан, пришёл Линь с пылающим лицом.

– Мать сказала мне проводить тебя завтра. Горная дорога пустынна и небезопасна, и далеко... и вода может прибыть в любую минуту.

Цзинцю отчаянно попыталась оправдаться, повторяя раз за разом: «Нет никакой нужды, я могу пройти сама». Внезапно ей в голову пришла одна мысль.

– А на горе есть тигры?

Линь ответил честно:

– Нет, гора небольшая. Я никогда не слышал, что там есть какие-то дикие животные. Моя мать только говорила, что она опасается, что там могут быть... злодеи.

Вообще-то, истина была в том, что Цзинцю очень хотела, чтобы кто-нибудь проводил её через гору, поскольку она не ощущала в себе достаточно храбрости пройти весь путь в одиночку, но она предпочла рискнуть – только бы не быть хоть в чём-то обязанной Линю.

В тот вечер пришёл и Третий Старче. Цзинцю хотела сказать ему, что уезжает на следующий день и пробудет два дня в Ичане, но так и не смогла найти подходящего момента. Она надеялась, что кто-нибудь затронет эту тему, но все её обошли стороной. Может быть, и не надо говорить ему, подумала она, он, возможно, и не придёт сюда в моё отсутствие, а ес-

ли и придёт, то вряд ли расстроится, не застав меня. Цзинцю вышла из гостиной и возвратилась в свою спальню, сделав вид, что должна написать несколько отчётов. Однако уши свои она оставила в гостиной. Подожду, пока он не попросится, а потом выскочу незаметно и всё ему расскажу, пообещала она себе.

Она ждала в своей комнате, не написав ни словечка. Когда уже было около десяти, она услышала, как Третий Старче прощается и, пока она панически соображала, как выскочить и сказать ему, он внезапно вошел в её комнату, вытянул ручку из её пальцев и небрежно написал несколько слов на листке бумаги: «Завтра выходи на горную дорогу. Я буду ждать тебя. Восемь часов».

Она подняла голову, чтобы взглянуть на него, и увидела, как улыбка медленно прошла по его лицу. Он ждал её ответа, но, прежде чем она отважилась ответить, вошла Тётенька.

Третий Старче произнёс громко:

– Спасибо, я пойду, – и вышел.

– За что это он тебя поблагодарил? – с подозрением спросила Тётенька. –

О, он попросил купить ему кое-что в Ичане.

– А я тоже хотела попросить тебя раздобыть мне кое-что.

Тётенька вынула деньги и продолжила:

– Ты не могла бы купить шерсти для Линя и связать ему новый джемпер? Сама определи цвет и рисунок. Юминь сказала мне, что ты в этом сильна.

Цзинцю чувствовала, что не сможет отказать в такой просьбе, поэтому взяла деньги. Она утешала себя: «Я не могу быть невесткой Тётеньки, но связать ему джемпер может быть моими откупными».

В тот вечер Цзинцю не могла спать. Она постоянно доставала листок бумаги с его почерком. Как он узнал, что она уезжает завтра? Разве у него нет работы? Что он скажет, что он сделает? Она была рада, что Третий Старче собрался проводить её, но затем обеспокоилась. Вообще-то предполагается, что девушки должны держать ухо востро с мужчинами, а Третий Старче разве не мужчина? Мы вдвоём, одни на большой дороге. Если он захочет что-нибудь со мной сделать, смогу ли я постоять за себя? Разве мужчина не угроза? Мысли у неё путались. Цзинцю не знала точно, в чём была угроза. Она часто видела объявления о розыске, расклеенные повсюду, с именами мужчин на них, зачёркнутыми крест-накрест красным. Кто-то совершил преступления, за которые их казнили, и, разумеется, она уже слышала слово *изнасилование*. На полицейских объявлениях попадалось это слово – *насильник*, и порой даже присутствовало описание преступления, но в самых неопределённых выражениях, так что трудно было сказать точно, что там произошло.

Цзинцю вспомнила, как однажды разглядывала как раз такое объявление. Оно гласило, что мужчина был чрезвычайно жестоким и воткнул отвёртку в нижние покои женщины. Она обсудила это с подружками. Где находятся у женщины эти

самые нижние покои? Они сошлись на том, что это должно быть где-то ниже пояса, но куда именно этот насильник воткнул отвёртку? Цзинцю так и не смогла определить это для себя. Все подружки Цзинцю были учениками Средней школы №8 или дочерьми учителей в смежной начальной школе. Некоторые из них были чуть-чуть постарше, и, казалось, знали о жизни больше, но им нравилось раскрывать только полуправду и осколки своего знания. Для Цзинцю решать эту головоломку было как блуждание в тумане.

Она слышала, как люди говорили, что такую-то *обрюхатели*, такая-то *глобус проглотила* от такого-то. Цзинцю пыталась представить себе это. Она заключила, что это включало в себя интимную связь с мужчиной, – такая ценная информация поступила от маминой коллеги, чьего сына повалила какая-то его подруга. В гневе мамаша везде ходила и говорила людям: «Эта деваха спала с моим сыном, обрюхатела, а теперь он ей не нужен. Посмотрим, нужна ли она будет кому-нибудь!»

Размышляя над всеми этими рассказами и сплетнями, Цзинцю разработала план: завтра она пойдёт через перевал с Третьим Старче, но будет бдительна. Поскольку спать на горе она не намеревалась, то и риска *забрюхатеть* вроде бы нет, но пусть лучше он идёт впереди: так он не сможет застать её врасплох или повалить на землю. Единственное, что продолжало её беспокоить – а вдруг кто-то увидит их и доложит членам Ассоциации. Это была бы катастрофа!

В семь часов следующего утра Цзинцю встала, причесалась, попрощалась с Тётенькой и в одиночестве вышла из дома. Она сначала шла вверх по реке, переправилась на маленькой лодчонке и стала подниматься в гору.

Вещей у неё с собой было немного, поэтому путь отнимал меньше сил, чем в прошлый раз. И только она достигла вершины, как увидела Третьего Старче. Одет он был не в свою обычную синюю спецовку, а в короткий пиджак, который она никогда не видела на нём прежде и который особенно подчёркивал его длинные ноги. Она внезапно обнаружила, что ей нравятся длинноногие мужчины.

Едва увидев его, она напрочь забыла все свои вчерашние клятвы.

Улыбаясь он смотрел, как она приближается.

– Я видел, как ты вышла. Когда я шёл сюда, то думал, что ты, может быть, и не придёшь.

– Ты что, не работаешь сегодня?

– Я взял отгул.

Он полез в свой рюкзак, вынул яблоко и протянул его ей.

– Ты хоть поела?

– Нет. А ты?

– Тоже нет. Мы можем что-нибудь перехватить в городе.

Он забрал у неё сумку.

– Ты очень отважная. Неужели ты готова была пересечь гору одна? Не боишься шакалов, тигров или пантер?

– Линь говорил мне, что здесь никаких диких животных

нет. Он сказал, мне следует только опасаться злодеев.

Третий Старче рассмеялся:

– А я похож на злодея?

– Не знаю.

– Ладно, я не злодей. Тебе ещё предстоит это понять.

– Ты вчера был прямо герой. Тётенька чуть не увидела ту записку.

Сказанное почему-то вызвало у неё волнение и плеснуло красную краску на лицо.

Но Третий Старче этого не заметил.

– Если бы даже она и увидела, то это не имеет никакого значения: она не умеет читать. Да и почерк у меня скверный. Я сам опасался, что ты не сможешь разобрать мои каракули.

Горная дорога была слишком узкой, чтобы они шагали рядом, так что он шёл впереди, и ему приходилось оборачиваться, чтобы что-нибудь сказать.

– Что сказала Тётенька?

– Она хотела, чтобы я купила шерсть для Линя и связала ему джемпер. –

Тётенька метит тебя в свою невестку, вот, что она хочет. Ты знала это? –

Она сказала.

– И ты... согласилась?

Цзинцю от шока чуть не упала.

– О чём ты? Я же ещё школьница.

– Значит ли это, что не будь ты школьницей, то сказала бы

да? – поддразнил Третий Старче. – Ты согласилась связать ему джемпер?

– Да.

– Что ж, если ты согласилась связать джемпер ему, то, может быть, свяжешь и мне!

– Ты, как дитё! Если кому-то покупают игрушку, то и тебе подавай? – Она набралась смелости. – Ты уверен, что хочешь, чтобы я связала тебе джемпер? Что твоя жена скажет?

Он даже остановился:

– Какая ещё жена? Кто тебе сказал, что у меня есть жена?

Так, значит, он не женат. Она была в восторге, но подтолкнула его, чтобы двигался дальше.

– Тётяшка сказала, что у тебя жена, и когда в прошлый раз ты пропал на время, ты ездил домой навестить семью.

– Я ещё не женат, какая ещё жена? Она старалась свести тебя с Линем, иначе с какой стати ей нести такое? Спроси парней в моей партии, и они тебе скажут, женат я или нет. Если мне не веришь, партии-то поверишь, а?

– С какого перепуга я буду допрашивать твою партию? Какое мне вообще дело, женат ты или нет?

– Меня беспокоило, что у тебя неверное представление о мире, – ответил Третий Старче.

Я ему, должно быть, нравлюсь, иначе с чего бы он переживал, что у меня неверное представление, подумала Цзинцю. Но что-то мешало ей продолжать расспросы. Она подошла к волнующей, но опасной точке и видела, что и ему, похоже,

не хотелось продолжать, и решила рассказать ему о своей семье. Искренне, только правду, и посмотреть, как он воспримет. Она рассказала об обвинениях своего отца, как его выдворили из города в село без права возвращения для него и её брата, – Цзинцю рассказала всё. Он слушал, не прерывая, а вопросы задавал только тогда, когда она не могла подобрать подходящих слов.

Цзинцю рассказывала:

– Я помню, что в начале Культурной революции мою мать ещё не преследовали. Как-то вечером, когда я была со своими друзьями, мы побежали в актовый зал в школе, где она работала, поскольку услышали шум и хотели посмотреть, что там происходит. Мы знали, что там часто проводят собрания классовой борьбы. Мы думали, что сессии классовой борьбы забавны, там можно посмотреть на людей, которых критикуют как предателей революции. В тот день учительница по имени Чжу Цзяцзин каялась в том, что была предателем, но только для того, чтобы спасти себя. Она говорила, что никогда не дезертировала с трудового фронта и никогда не предавала товарища. Её часто вызывали на сессии классовой борьбы, но она всегда была совершенно спокойной, с высоко поднятой головой, и отвечала холодно: «Вы говорите не по делу. Это неправда, и я не потружусь отвечать». Но однажды я пошла с друзьями в актовый зал как обычно, чтобы посмотреть, что там происходит, и на сей раз увидела свою мать с опущенной головой посреди критикующей её толпы. Мои дру-

зья стали смеяться надо мной и передразнивать мою мать. Я так испугалась, что помчалась домой, спряталась и заплакала. Когда мать вернулась, она ничего не сказала, потому что думала, что я ничего не видела. Когда наступил день и её должны были публично критиковать, она знала, что не сможет уже скрыть это от нас. Поэтому за обедом она дала сестре и мне немного денег и сказала нам идти на рынок через реку и не возвращаться до ужина. Мы протолкались на рынке до пяти часов. Но как только мы вошли в школьные ворота, то увидели плакат, такой большой, что, казалось, он закрывал небо, и на нём было имя моей матери, написанное вверх тормашками, зачёркнутое красным крест-накрест, и клеймо – исторический контрреволюционер. Дома я увидела, что мать выплакала докрасна свои глаза, её лицо распухло с одной стороны, губы тоже, а голова была побрита. Она сидела перед зеркалом, пытаясь убрать ножницами оставшиеся клочки волос. Мама – гордый человек, с сильным чувством собственного достоинства. Она не могла вынести того, что её вот так, публично, поносили. Она прижала нас к себе, пока мы плакали, и сказала, что если бы не мы, трое её детей, то она бы и жить не стала.

Третий Старче произнёс мягко:

– У тебя удивительно сильная мать, которая может вытерпеть такую боль и унижение ради своих детей. Не расстраивайся так уж, у многих случалось такое; надо просто через это пройти. Будь как эта женщина Чжу, подними выше голо-

ву, будь гордой и не позволяй этому всему овладеть тобой.

Цзинцю подумала, что его классовое чутьё что-то перепутало: как он может сравнивать действия моей матери с этой предательницей Чжу? Она расстроилась.

– Моя мать не исторический контрреволюционер, её потом оправдали. Ей разрешили преподавать. Те люди ошиблись. Отец моей матери вступил в Коммунистическую партию, но когда он переехал, то просто не смог найти свою новую местную ячейку. А люди утверждали, что он уехал намеренно. Незадолго до Освобождения его арестовали, и прежде, чем они потрудились прояснить всю эту историю, он заболел и умер в заключении. Но это не вина моей матери.

Третий Старче попытался успокоить её.

– Самое важное, что ты веришь в неё, потому что даже если бы она и была историческим контрреволюционером, она всё равно замечательная мать. Политика... кто знает? Не используй политические ярлыки, чтобы судить о своих близких.

Цзинцю рассердилась:

– Ты говоришь точно так же, как та предательница Чжу. Её дочь спросила у неё, зачем она оговорила себя? Ведь если бы она этого не сделала, то сегодня стала бы мучеником революции. И та ответила: «Я не боюсь ни побоев, ни смерти, но твой отец в тюрьме, и если я не сознаюсь, то ты будешь жить впроголодь до самой смерти».

Третий Старче сделал длинный выдох.

– С одной стороны, она должна думать о своих детях, а с другой, о причине. Предполагаю, как трудно ей было выбирать. Но если она никого не предала, то не было никакой нужды наказывать её вот так. В то время у Партии была политика – чтобы остаться у власти – после тюремного заключения выходить из Партии, только поместив объявление в газете. Если ты никого не предал, всё было прекрасно. Некоторые, кто занимал высокое положение, но позже попали в заключение, так и сделали.

Он назвал несколько имён для примера. Цзинцю слушала ошеломлённо:

– Да ты просто реакционер!

Он рассмеялся.

– Ты что, собираешься разоблачить меня? Это всё секреты полишинеля в высших эшелонах Партии, даже те, кто в иерархии пониже, знают кое-что об этом, – поддразнил он. – Ты слишком наивна. Если хочешь меня разоблачить, то я во всём сознаюсь и умру у тебя на руках вполне довольный. Всё, что попрошу, так это то, чтобы после моей смерти и похорон ты посадила цветы боярышника на моей могиле и поставила сверху камень со словами: «Здесь лежит человек, которого я любила».

Она вскинула руку, как будто намереваясь ударить его:

– Не носи чепуху, а то я не буду слушать.

Он наклонился к ней, подставляясь под её удар, но заметив, что она не приближается к нему, выпрямился снова.

– История моей матери, может быть, ещё трагичнее, чем история твоей. В молодости она была прогрессивна, очень революционна. Она лично заставила охранников фабрики искать спрятанную собственность своего капиталиста-отца. Она наблюдала своими собственными глазами, совершенно спокойно, как люди допрашивали и мучили его. Она думала, что всё это для дела революции. После замужества, однако, она вела себя скромно, работая в штате Центра искусств горсовета. Она была замужем за моим отцом много лет, и всё это время жила отдельно от своего собственного отца, но в основе своей она всё равно оставалась капиталистическим интеллектуалом. Ей нравились литература, романы, красивые вещи. Она читала много книг, любила поэзию – даже сама писала что-то – но никому не показывала, потому что знала, что это будет считаться буржуазным. Во время Культурной революции моего отца осудили как попутчика капиталистов, раскритиковали и подвергли остракизму, а нас выселили из нашей армейской квартиры. Мою мать тоже называли капиталистом и коррумпированным работником. Они использовали жестокие методы, чтобы соблазнить моего отца окунуться в эту мутную водичку. В то время Центр искусств горсовета был заклеен вульгарными плакатами, которые описывали мою мать как непристойную, бесстыдную женщину. Как и твоя мать, она была очень горда. Прежде её никогда не прогоняли через строй, поэтому у неё не было опыта, как справиться со всем этим. Она спорила с ними, приводила доводы

в свою защиту, но чем больше она сопротивлялась, тем хуже всё становилось. Они использовали самые разные способы унижить её, давили на неё, чтобы она поделилась подробностями, которые заманили бы моего отца в ловушку. Каждый день, когда она возвращалась домой, то долго мылась, пытаясь отодрать от себя всю грязь их оскорблений. Они уязвляли её, пока она уже не могла подняться, и только тогда ей позволяли пойти домой зализывать раны. Всё это время моего отца критиковали в провинциальных и столичных газетах. Страница за страницей становились всё более наступательными, говоря, что его образ жизни был захудалым, что он соблазнял и насиловал медсестёр, секретарей и конторских служащих. Моя мать продолжала бороться, но и её, наконец, сломали тем, что она поверила в предательство моего отца. Она взяла белый шарф, и с его помощью свела счёты с жизнью. Она оставила нам записку: «Пусть ты и чист по сути, но если судьба твоя мутна, а родился ты не вовремя, тебя пожалеют только после твоей смерти».

Цзинцю спросила тихо:

– Твой отец в самом деле всё это вытворял?

– Не знаю. Думаю, отец любил мою мать, хотя и не знал, как надо правильно любить её так, чтобы ей это доставляло удовольствие. И всё же он её любил. Прошли уже годы с тех пор, как моя мать умерла, и отца восстановили на прежней должности. Многие пытались свести его с другими женщинами, но он так и не женился больше. Мой отец всегда го-

ворит, что Председатель Мао понял суть жизни, когда сказал: «Победа приходит только после дальнейшей борьбы». Иногда, когда чувствуешь, что уткнулся в тупик, когда думаешь, что не осталось никакой надежды, если поборешься ещё чуть-чуть и ещё чуть-чуть, ты увидишь проблеск успеха.

Цзинцю была потрясена от того, что он испытал такое горе. Она хотела успокоить его, но не знала, что сказать. Они шагали в тишине, пока он не удивил её вопросом:

– А можно я поеду с тобой в Ичан?

– Зачем тебе ехать со мной в Ичан? Если мать увидит или мой учитель, или одноклассники, то они подумают...

Она осеклась.

– Что они подумают?

– Они подумают, подумают, что... ну, это произвело бы плохое впечатление.

Он засмеялся.

– Я тебя так напугал, что ты потеряла дар речи. Успокойся. Если ты скажешь, что мне нельзя ехать с тобой, то я и не поеду. Твои слова мне приказ. – Он продолжал осторожно: – А можно мне подождать тебя в городе, пока ты не вернёшься? Ты же этой дорогой пойдёшь назад, верно? Как можно быть спокойным, зная, что ты шагаешь назад всю дорогу одна?

Она была благодарна ему за то, что он сделал ей одолжение. Она сказала, что ему нельзя ехать с ней в Ичан – он и не поехал.

– Я поеду четырёхчасовым автобусом завтра, так что здесь буду в пять. –

Буду ждать тебя на автостанции.

Они продолжили путь, радостные в своём молчании, пока Цзинцю не сказала:

– Расскажи мне какую-нибудь историю. Ты прочитал так много книг, что, вероятно, у тебя в запасе много историй. Расскажи мне какую-нибудь.

Он рассказывал ей истории, и после того, как одна подходила к концу, Цзинцю подсказывала: «А ещё одну?» Так они продолжали, пока, наконец, он не рассказал ей историю о молодом парне, который, чтобы продолжить карьеру своего отца, согласился жениться на дочери отца начальника. Но так как парень не был влюблён, он всё время откладывал свадьбу. А потом однажды он встретил девушку, в которую действительно влюбился и захотел на ней жениться. Но проблема состояла в том, что, когда девушка узнала, что он помолвлен, то сказала, что не может доверять ему. На этом моменте Третий Старче прервался. –

А потом что? Закончи историю.

– Я не знаю конца этой истории. Если бы ты была на месте той девушки – я имею в виду, если бы ты была девушкой, в которую тот парень влюбился, как бы ты поступила?

Цзинцю задумалась над его вопросом.

– Я думаю, если тот парень мог нарушить обещание другой девушке, то... если бы я была той, второй девушкой, я

бы ему тоже не доверилась. – Слабое подозрение кольнуло её. – Это твоя история? Ты рассказывал о себе?

Он покачал головой.

– Нет, я взял её из книг, которые читал. Все любовные романы одинаковы. Ты читала «Ромео и Джульетту»? Ромео страстно любит Джульетту, верно? Но не надо забывать, что до встречи с Джульеттой ему нравилась другая девушка.

– Неужели?

– А ты забыла? Ромео знакомится с Джульеттой на балу, куда он пошёл, чтобы найти другую девушку, но когда он видит Джульетту, то влюбляется в неё. Так можно ли говорить, что только из-за того, что он бросил первую девушку, он наверняка собирался сделать то же самое и с Джульеттой?

Цзинцю подумала о том, что он сказал, и ответила:

– Но у него не было времени бросить Джульетту, потому что он умер вскоре после встречи с ней.

– Я только что придумал конец своей истории: парень сходит с ума и пытается повсюду искать девушку, но не может найти и от невозможности жить без неё кончает с собой.

– Ты точно всё это придумал.

Глава шестая

После обеда в четверг Цзинцю побежала на дальнюю автостанцию и втиснулась в последний автобус на Илин. Но планы, которые она настроила с Третьим Старче, не учли поломку автобуса на пустой дороге вдалеке от любого жилья и то, что он застрянет там больше, чем на час, после чего автобус забренчит всеми своими пожилыми деталями. Цзинцю чрезвычайно переживала, поскольку раньше семи она теперь до города не доберётся, автостанция будет уже закрыта, и кто знает, будет ли Третье Старче всё ещё ждать. Если его не будет, думала Цзинцю, то путь в Западную Деревню мне закрыт. Придётся заночевать в городе. И денег у неё было мало. Если уж станет совсем неспособен, то придётся взять что-то из тех денег, что Тётя дала на шерсть для джемпера Линя.

Когда же автобус прибыл на автостанцию, она вздохнула с облегчением, увидев, что Третий Старче стоит в жёлтом свете заката под уличным фонарём, ожидая её. Как только автобус остановился, он запрыгнул в салон и решительно направился по проходу среди кресел к ней.

– Я уж думал, что ты не приедешь или автобус попал в аварию. Есть хочешь? Давай найдём где ещё можно поесть. – Он с улыбкой поднял её сумки. – Так много вещей? Ты несёшь

вещи для других людей?

Не дожидаясь объяснения, он схватил её за руку и потянул из автобуса, чтобы поискать ресторан. Она попыталась выдернуть свою руку, но он держал её крепко, и так как был вечер, она решила, что всё равно никто ничего не увидит, поэтому и позволила себя вести.

Город был маленьким, и большинство ресторанов уже закрылось.

– Если ты поел, то не стоит ничего искать, – сказала Цзинцю. – Я могу поесть и в Западной Деревне.

Третий Старче по-прежнему тянул её за руку.

– Пойдём со мной, у меня есть идея.

Он повёл её в район сельхозугодий в предместьях города. Если водятся деньги, там всегда можно было найти еду. Вскоре он увидел дом.

– Вот. Дом большой, свинарник тоже. У них наверняка есть излишки свинины. Давай поедим здесь.

Они постучали в дверь, и им открыла женщина средних лет. Услышав, что они ищут еду, и увидев мерцающие монеты в руке Третьего Старче, она проводила их в дом. Третий Старче дал ей денег, и женщина начала готовить еду. Третий Старче вызвался помочь ей разжечь огонь, сначала усевшись на охапку сена перед печью. Как искушённый эксперт, он сложил домиком поленья и зажёл их, а затем потянул Цзинцю посидеть рядом. Охапка сена была маленькой, поэтому им пришлось прижаться друг к другу, чтобы уме-

ститься на ней. Но несмотря на то, что Цзинцю пришлось почти навалиться на него, она не испытывала ни страха, ни нервозности. В конце концов, люди в этом доме их не знали.

Свет огня от печи мерцал на лице Третьего Старче, и он выглядел необычайно красивым. Цзинцю тайно бросала на него взгляды, как и он на неё. Когда их глаза встретились, он спросил:

– Тебе хорошо?

– Да.

Цзинцю редко перепадала такая роскошная еда. Рис был свежим, просто сваренным и вкусным, а блюда были пикантными и ароматными: одно – миска поджаренного на сковороде тофу, другое – из тёмно-зелёного масляного шпината, каких-то рассолов, и две колбаски домашнего приготовления. Третий Старче отдал их обе ей.

– Я знаю, как тебе нравятся домашние колбаски, поэтому специально попросил. Я сказал, что, если у неё их нет, мы пойдём поищем в другом месте.

– Откуда ты узнал, что мне нравятся колбаски?

Она не смогла съесть обе, одну пришлось одолеть ему.

– Если честно, то не так уж они мне и нравятся. Мне нравятся маринованные овощи, у нас в лагере их не бывает.

Она знала, что он так говорил только для того, чтобы она съела обе. Кто же не любит колбаски? Она настаивала на том, чтобы одну всё же съел он, а если он не станет, то и она не будет. Они перепирались, пока хозяйка не засмеялась:

– Вы оба такие смешные. Хотите, я ещё сделаю парочку?
Третий Старче быстро достал деньги.

– Приготовьте ещё парочку, мы их съедим по дороге.

После того, как они насытились, он спросил Цзинцю:

– Ты всё же хочешь вернуться сегодня?

– Конечно, а куда ещё нам идти? – спросила она озадаченно.

– Да можно найти, где заночевать. – Он улыбнулся, затем сказал: – Ладно, давай вернёмся, а то ты распереживаешься, что скажут люди.

Когда они выбрались наружу, он взял её за руку, объяснив, что уже темно, и он не хочет, чтобы она брякнулась оземь.

– Тебе не страшно, что я держу тебя за руку?

– Не-а.

– А кто-нибудь раньше держал тебя за руку?

– Нет. А ты когда-нибудь держал кого-то за руку?

Он ответил не сразу. В конце концов, он спросил:

– А если и держал, ты думаешь, что я – злодей?

– Наверняка держал.

– Держаться за руки и взять кого-то за руку – две большие разницы. Иногда это делаешь из-за ответственности, потому что у тебя нет выбора, а порой делаешь это... от любви.

Обычно люди использовали другие слова, никак не любовь. Чтото перехватило дыхание Цзинцю, когда он сказал это. Она затихла, неуверенная в том, что он скажет далее.

– Скоро будет боярышник. Хочешь, дойдём до него и при-

сядем на время?

– Нет. Там убили много солдат, и в темноте мне будет страшно.

– Ты веришь в коммунизм и призраков? – пошутил он.

Цзинцю смутилась:

– Не верю я в призраков! Мне просто не нравится тёмный лес, вот и всё. – Внезапно она вспомнила, как увидела боярышник в первый раз, и спросила: – В тот день, когда я пришла в Западную Деревню, мне показалось, я видела, что кто-то стоял под деревом, кто-то, одетый в белую рубашку. Ты останавливался у боярышника в тот день?

– Кто-то в рубашке, в такую холодрыгу? – переспросил Третий Старче. – Да он бы окошел тут до смерти. Может быть, это обиженный дух кого-нибудь из японских солдат, похожий на меня. Может быть, он возник в тот день, и так случилось, что ты его видела, а подумала, что это был я. Смотри! Он возник снова.

Цзинцю не посмела оглянуться. В страхе она рванулась, но Третий Старче притянул её назад к себе, крепко прижал и прошептал:

– Я пошутил. Обиженных духов нет. Я это сказал только, чтобы поугагать тебя. – Он подержал её какое-то время и пошутил снова: – Я хотел припугнуть тебя своими объятьями. Я и понятия не имел, что ты пустишься наутёк. Видимо, ты мне не доверяешь.

Цзинцю уткнулась лицом в его грудь. Она не могла от него

оторваться – ей действительно было страшно – и она всё сильнее прижималась к его телу. Он прижал её ещё крепче, пока её щека не оказалась прямо напротив его сердца. Она понятия не имела, что мужские тела пахли вот так, неопишимо чудесно, что голова у неё закружилась. Она подумала: «Если бы у меня был кто-то, на кого можно положиться и кому можно довериться, то я бы не боялась ни темноты, ни призраков. Только других, которые могут увидеть нас».

– А ты тоже испугался. – Она подняла голову, чтобы взглянуть на него. – Сердце у тебя стучит очень быстро.

– Я очень испугался, – сказал он. – Послушай, как стучит моё сердце, стучит так сильно, что вот-вот выпрыгнет из уст.

– Сердце может выпрыгнуть из уст? – засмеялась Цзинцю.

– Почему нет? Ты никогда не читала об этом в книгах?

– В книгах такое пишут?

– Конечно. «Его сердце билось так часто, что было почти уже на устах».

Цзинцю прислушалась к своему сердцу и с лёгким подозрением спросила:

– Оно не быстрое, ну, не такое быстрое, как твоё. Как же оно может быть почти на устах?

– А ты сама не чувствуешь? Не веришь мне, так открой рот, а я посмотрю, нет ли его там.

И прежде, чем она успела среагировать, он уже наклонился, чтобы поцеловать её. Цзинцю попыталась оттолкнуть его. Но он не обращал внимания и продолжал целовать её, про-

никакая своим языком ей в рот так далеко, что она едва не подавилась. Это непристойно, как он может делать такое? Никто никогда не говорил, что поцелуй похож на вот это. Нельзя такое вытворять по какой-то благородной причине, подумала она, поэтому надо попытаться остановить его.

Она стиснула челюсти так, что он мог только двигать свой язык между её губами и зубами, но продолжал свою атаку, и Цзинцю продолжала сжимать челюсти.

– Тебе... не нравится? – спросил он.

– Нет.

Вообще-то это не было правдой. Дело не в том, что ей не нравилось, а в том, что она почувствовала. И уж то, как ей захотелось ответить, совсем поразило её. У неё возникло ощущение, что она беспутна и развратна. Ей нравилось, что его лицо так близко к её лицу, она неожиданно открыла для себя, что лицо парня может быть тёплым и нежным. Она всегда считала, что их лица холодные и твёрдые, как камень.

Он засмеялся и ослабил на время свои объятия.

– Задала ты мне работёнку.

Он взвалил себе на спину её рюкзак.

– Пошли.

Оставшуюся часть пути он уже не держал её за руку, просто шёл рядом. Цзинцю спросила осторожно:

– Ты рассердился?

– Нет, не рассердился. Меня просто озадачило то, что тебе не нравится держаться за мою руку.

– Я не сказала, что мне не нравится.

Он стиснул её ладонь.

– А! так тебе всё же нравится?

– Ты знаешь – зачем спрашиваешь?

– Нет, не знаю, и ты меня подначиваешь. Я хочу, чтобы ты прямо сказала.

Она не ответила, и он продолжал сжимать её руку, пока они шли под гору.

Человек, который управлял маленьким паромом, завершил свой рабочий день.

– Давай не будем вызывать лодку, – сказал Третий Старче. – В этих краях бытует поговорка, о равнодушных людях. Она гласит: разговаривать с ними всё равно, что вызывать паром во внеурочное время. Вместо этого я перенесу тебя на спине.

Проговаривая всё это, он снял туфли и носки, засунул носки в туфли, связал их шнурками и повесил себе на шею. Затем он связал подобным образом сумки и тоже повесил их себе на шею. Потом встал на колени перед нею так, чтобы Цзинцю смогла вскарабкаться ему на спину, но она отказалась: –

Я сама пойду.

– Не стесняйся. Давай! Девушкам вредно гулять по холодной воде. Темно, никто не увидит. Прыгай.

Она неохотно взобралась на его спину и ухватилась за его плечи так, чтобы её груди не касались его спины.

– Наклонись и охвати мою шею руками, а иначе я не виноват, если ты свалишься в воду.

В тот момент показалось, что он поскользнулся, наклоняясь резко на одну сторону, и она непроизвольно качнулась вперёд и охватила руками его шею, а груди её прижались к его спине. Странно, но это было удобно. Он, однако, весь задрожал.

– Я такая тяжёлая, да?

Он не ответил, подрожал ещё какое-то время и затем успокоился. Переноса её, он медленно пробирался через реку. На полпути, он сказал:

– Там, откуда я родом, есть такая поговорка: старика нужно женить, старуху нужно носить. Я буду носить тебя независимо от того, стара ты или нет. Как тебе такое?

Она покраснела и пробормотала:

– Как тебе не стыдно говорить такое? Если ещё раз скажешь, я спрыгну в воду.

Третий Старче на это ничего не ответил, но кивнул головой в направлении берега:

– Твой братец Линь стоит во-он там.

Цзинцю увидела Линя, сидящего у реки, с неизменными ведрами по обе стороны от него. Третий Старче выбрался на берег, опустил Цзинцю на землю, надел свои носки и туфли и сказал:

– Подожди здесь, а я пойду потолкую с ним.

Низким голосом он что-то сказал Линю и затем вернулся

к Цзинцю. –

Иди домой с ним, а я пойду отсюда в лагерь.

С этими словами он растворился в ночи.

Линь набрал воды в оба ведра, поднял коромысло себе на плечи и пошёл назад к дому, не произнося ни слова. Цзинцю, объятая ужасом, семенила следом. Он всем расскажет о том, что видел, расскажет всей Ассоциации! Мне конец. Она решила воспользоваться тем временем, что оставалось ещё до дома, чтобы поговорить с Линем:

– Линь, не подумай ничего такого, он только сопровождал меня. Мы... –

Он сказал.

– Никому не говори, люди не так поймут.

– Он сказал.

Все удивились, что она приехала так поздно. Тётянька несколько раз переспросила:

– Ты шла одна? Через всю гору? О, какая ты смелая! Я там даже днём ни за что не пойду одна.

Глава седьмая

Цзинцю места себе не находила из страха, что Линь расскажет другим сценку, которую увидел на реке. Она долго не могла уснуть. Пока он никому ничего не сказал, но не потому ли, что она была рядом? Стоит мне только выйти из дома, как он тут же доложит Тётеньке, ведь доложит? Если Линь действительно поджидал у реки её возвращения, тогда он точно проболтается, потому что Цзинцю знала, что ему невыносимо было видеть её с Третьим Старче. Наихудшим сценарием будет, если Линь расскажет людям о ней и Третьем Старче, и если эти сведения дойдут до членов Ассоциации, а через них проникнут в школу. Что случилось бы, узнай об этом вся школа?

Её плохое классовое происхождение камнем висело у неё на шее, потому что, хотя её мать и *освободили*, и теперь та служила учителем масс, отец её по-прежнему считался землевладельцем.

Из пяти плохих элементов – землевладельца, богатого крестьянина, контрреволюционера, коррумпированного чиновника и реакционера – землевладелец был самым гнилым врагом рабочему классу из всех. Её школа, конечно, ухватится за любое плохое поведение и использует его как дубину, чтобы отдубасить такую дочь землевладельца, как она. И

они обязательно притянут сюда и остальных членов её семьи.

Классовый ярлык, навешенный на её отца, был чрезвычайно несправедлив. Мало того, что он уехал из дома на учёбу в раннем возрасте, но его семейство не брало плату с арендаторов за пользование их землёй, поэтому его вдвойне обидели и вообще не должны были классифицировать как землевладельца. Его всегда считали прогрессивным молодым человеком. Он сбежал с вражеской территории и переехал на освобождённые земли ещё за несколько лет до 1949 года, чтобы служить людям, используя свой музыкальный талант. Он организовал хор, который пропагандировал Коммунизм и Мао Цзедуна, обучая массы знаменитой песне «*Свободное небо – блестящее небо*». Никто не знал почему, но как только началась Культурная революция, выделили именно его и обвинили в том, что он тайный агент на службе у националистов. Его заклеямили как землевладельца и сослали в трудовой лагерь. Проблема была в том, что ему не могли дать более одного ярлыка, поэтому приклеился тот, с которым труднее всего было жить, а *секретный агент Чан-Кайши, активный контрреволюционер* и бог весть что ещё, были недостаточно убедительны.

Даже малейшая ошибка с её стороны поэтому могла бы свергнуть её в ещё большее несчастье. Эти мысли наполняли её раскаянием за свои действия. Она не могла разобраться, что нашло на неё, это было, как будто она приняла какое-то ворожейное зелье. Третий Старче сказал ей идти одной по

горной дороге – и она пошла. Третий Старче сказал, что хочет подождать её в городе – и она позволила ему дожждаться её. В конце концов, она позволила ему взять её за руку, позволила вести себя, позволила поцеловать. А хуже всего было то, что Линь видел, как он нёс её через реку. Что теперь? Беспокойство пожирало её. Как можно помешать Линю что-то сказать и, если он скажет, что делать? У неё не было сил даже думать о своих чувствах к Третьему Старче.

Несколько следующих дней Цзинцю провела на краю пропасти, тщательно обдумывая каждое слово, которое она обращала к Тётеньке и Линю, и пристально присматриваясь к Тётеньке в надежде обнаружить ранние свидетельства его предательства. Она поняла, что у Линя язык был с костями; он напоминал запечатанную тыкву. Её беспокоила Тётенька. Если ей суждено было услышать об этом, то она определённо даст ход делу. Цзинцю чувствовала себя пойманной в ловушку путами мыслей, по мере того как они кружились вокруг неё. Иногда взгляд Тётеньки говорил – я всё знаю! Но в иное время она молчала, как будто подозрения или доверия сплетен её не трогали.

Третий Старче продолжал приходить в дом Тётеньки, но партия его переместилась на другой участок деревни, поэтому на обед он уже не приходил. Он часто приходил по вечерам, однако, всякий раз приносил еду. Дважды он приносил колбаски, которые покупал у местного крестьянина. Тётенька их готовила, разрезала на ломтики, а на гарнир тушила

овоци. В один из таких вечеров Цзинцю обнаружила ломтик колбаски, спрятанный под рисом в её миске. Она была уверена, что Третий Старче, должно быть, подсунул его туда. Зная, как ей нравились колбаски, он хотел, чтобы она получила больше других.

Цзинцю не знала, что делать с этим лишним кусочком мяса. Её это просто обезоруживало. Мать, бывало, рассказывала предания старины глубокой, в которых любящие мужья в крестьянских семьях припрятавали мясо под рисом в мисках своих жён. У молодых жён не было никакого положения в новых семьях, и им приходилось постоянно уступать остальным во всём. Если на столе появлялось что-то вкусненькое, то молодая жена должна была ждать, когда первыми попробуют это родители мужа, потом муж, затем все дяди и тётки и, наконец, её собственные дети. К тому времени, когда очередь доходила до неё, оставались только овощи.

Мужья не осмеливались демонстрировать любовь к своим жёнам перед родителями. Поэтому если они хотели отдать своим любимым кусочек мяса, то приходилось идти на какие-то уловки. Мать поведала Цзинцю и способ, которым такая привилегированная молодая жена могла съесть спрятанное мясо: сначала украдкой она смешивала его с рисом, потом, поднеся край миски прямо к губам, извлекала этот кусочек из глубины миски, словно выкапывая туннель, делая вид, что просто сгребает рис. Спокойно она пережёвывала, запихивая остаток мяса назад в *подполье*. Ей приходилось

быть очень осторожной и не съесть весь рис до второй порции, чтобы таким образом раскрыть захороненное сокровище. Но нельзя было приступать ко второй порции риса, не закончив первую, потому что, если бы родители мужа увидели, что она получила свой приз, то выговаривали бы ей очень долго!

Мать рассказала Цзинцю и о молодой девушке, которая подавилась до смерти из-за любви своего мужа. Тот запрятал варёное яйцо в её миску, единственное яйцо на всю семью в тот вечер, а она, испугавшись, что это будет обнаружено, засунула его целиком себе в рот. И только она собралась разжевать его, как свекровь что-то у неё спросила, и чтобы ответить, молодая жена попыталась его проглотить. Яйцо застряло у неё в глотке, и она умерла.

Цзинцю опустила взгляд в миску, её сердце прыгало в груди. Если Тётянька увидит, то не использует ли она это как свидетельство против меня? Если ловили какую-нибудь молодую жену, то её порицали, как соблазнительницу, которая обольстила своего мужа. Если Цзинцю попадётся сейчас, она окажется в гораздо худшем положении, чем те жёны, а новость, безусловно, достигнет её товарищей по Ассоциации реформы образования.

Цзинцю бросила короткий взгляд на Третьего Старче и увидела, что он оглянулся на неё. В выражении его лица читалось – «Вкусно?» Он был ловким, и ей страстно захотелось стукнуть его своими палочками для еды. Этот кусочек

спрятанной колбаски был настоящей миной. Она была слишком напугана, чтобы вынуть его из риса, но если она его не съест, то рис скоро закончится, и колбаску раздора заметят все. Опустошив наполовину свою миску, Цзинцю бросилась на кухню и выбросила остатки в ведро для свиней.

Вернувшись за стол, она на него даже не взглянула, низко опустив голову над миской. Она не знала, просила ли добавку, и совершенно не соображала, что отправляла себе в рот; она знала только одно – необходимо освободить миску. А Третий Старче, казалось, совершенно не замечал её переполоха, и, подняв палочками ещё один кусочек колбаски, изящно отгрузил его в её миску. В ярости, она ударила своими палочками по его:

– Что ты делаешь? Я не безрукая.

Он оглянулся на неё с удивлением. С того дня, когда Третий Старче проводил её из города через гору в деревню, она стала грубить ему, а когда вокруг были люди, демонстрировала особенную жёсткость, как будто показывая всем, что между ними не могло быть ничего общего. Он, с другой стороны, вёл себя совершенно иначе. Прежде он разговаривал с нею, как взрослый с ребёнком, поддразнивая и поучая. Но теперь он малодушничал, постоянно пытаюсь угадать её мысли, и во всём с ней соглашался. Она же упрекала его, а он в ответ только пристально смотрел на неё, скорее жалкий, чем сердитый, недостаточно смелый, чтобы отыграться шуткой. Чем более несчастным он выглядел, тем больше Цзин-

цию раздражалась: он выдавал их секрет.

Первые дни после возвращения Третий Старче пытался продолжать всё как прежде: входил в её комнату, чтобы помочь всякий раз, когда он видел, что она за столом и что-то пишет. Она шипела: «Чего ты сюда вламываешься? Уходи быстро, пока никто не видит». И он уже больше не был таким насмешливым. Когда она приказывала ему уйти, он молча стоял в дверях какое-то время, потом послушно уходил. Она слышала, как он разговаривал с кем-то из семьи, и иногда ей приходилось проходить через гостиную, чтобы пройти в заднюю часть дома. Он прерывался на середине предложения и смотрел, как она торопливо проходит через комнату, ничего не говоря ей и забывая при этом отвечать тому, с кем разговаривал.

Она слышала, как однажды невестка Тётеньки, Юминь, сказала: «Разве не так, Третий Старче?» Тот в ответ только буркнул «м-м-м», а затем, сконфузившись, переспросил: «Что не так?» Юминь рассмеялась:

– Что на тебя нашло в последнее время? Мне приходится несколько раз повторять, а до тебя не доходит. Ты совсем, как мои самые бестолковые ученики, которые никогда не слушают урок.

Цзинцю находила у себя на дне миске колбаски и даже яйцо ещё несколько раз, и это постоянно выводило её из себя. Она решила сказать Третьему Старче, что если он когда-нибудь подсунет ей что-то снова, то кто-нибудь да узнает. Сам-

то он, очевидно, не боялся: он был рабочим, ему естественно было иметь подругу, но она-то ещё была школьницей! Его поведение подвергало её опасности.

Однажды старший брат, Сень, приехал домой из Города-на-Яньцзя и привёз с собой друга по имени Цянь, шофёра, который как раз накануне вечером сбил на дороге дикого оленя. Он и некоторые другие шофёры убили его, а мясо поделили между собой. Сень получил свой кусок и принёс его домой, чтобы все могли полакомиться.

Сень отправил Цзинцю за Третьим Старче: у Цяня сломались часы, и он приехал, чтобы узнать, не мог бы Третий Старче их отремонтировать.

На некотором расстоянии до лагеря геологической партии она услышала звуки аккордеона Третьего Старче. Тот играл польку – мелодию, которую она хорошо знала. Цзинцю остановилась и задумалась о своём первом дне в Западной Деревне, и о том первом мгновении, когда услышала аккордеон Третьего Старче. Это как раз было на этом самом месте. В тот день в её мыслях было только познакомиться с ним да переброситься парой фраз из вежливости. А потом... она начала жаждать встреч с ним, теряя рассудок от того, что не видела его несколько дней. Но с того злополучного дня, когда она возвращалась с ним из города через гору, её чувства изменились. Теперь её мучила мысль, что её могут разоблачить. «Мои буржуйские мысли укоренились глубоко, и я такая лицемерка, что только и волнуюсь, не узнает ли кто-ни-

будь о них. Если бы Линь не увидел нас тогда на реке, то я бы, вероятно, и сейчас стремилась быть с ним рядом. Линь спас меня от падения глубже в эту пропасть».

Её мысли вращались, как в воронке. В конце концов, она набралась храбрости и постучала в дверь Третьего Старче. Тот открыл дверь и удивился:

– Как это тебя занесло сюда?

– Сень попросил меня сходить за тобой и пригласить на ужин.

Он нашёл ей стул и налил стакан воды.

– Я уже поужинал, но скажи мне, какие вкусняшки привёз Сень, и, может быть, тебе удастся уговорить меня.

Цзинцю осталась в дверях и сказала:

– Старший брат хочет, чтобы ты пришёл. Он привёз какого-то парня, у которого сломаны часы, и хочет, чтобы ты на них взглянул. А ещё он привёз оленину и хочет, чтобы ты попробовал.

Услышав это, один из соседей по комнате Третьего Старче, мужчина средних лет, поддразнил:

– Малыш Сунь, оленина не шутка. Ты разве не знаешь, что от неё трубы горят, и особенно самая главная труба? И нет никакого способа притушить такой пожар? Вот был бы облом! Послушай совета – не ходи.

Цзинцю боялась, что Третий Старче не пойдёт из-за такого совета и торопливо пояснила:

– Не волнуйся. Оленина действительно согревает, но мы

можем попросить Тётеньку приготовить машевую похлёбку (из золотистой фасоли. – *Прим. перев.*) Предполагается, что она остудит любые трубы.

Другие мужики в комнате заржали, а один сказал:

– Лады-лады, значит, так ты сбиваешь температуру, а? Машевой похлёбкой.

Третьему Старче было явно неудобно и, выйдя на улицу, он извинился:

– Эти парни давно не были дома, поэтому не следят за своими словами. Они всегда так шутят. Не обращай внимания.

Цзинцю ничего не понимала. Если кто-то говорит об оленине, как о средстве согреться, за что тут извиняться? Всякий раз, когда она ела что-то согревающее, типа чили, например, у неё губы горели, а иногда и зубы начинали ныть, поэтому ей приходилось следить за тем, чтобы не перебрать лишку. И что общего у этих шуток и длительного отсутствия в семье? Значение этих шуток оставалось тайной для неё, а связь с отсутствием в семье, вообще, представлялась неочевидной, но она не слишком задумывалась об этом – её больше занимала мысль, как сказать Третьему Старче, чтобы тот больше не прятал вкусняшки под рисом.

Они шли назад по той же самой узкой дороге, по которой ходили и прежде, еле заметной дороге между полями. Спустя какое-то время Третий Старче спросил:

– Ты что, сердисься на меня?

– С какой стати мне сердиться?

– Может быть, я слишком чувствителен. Я подумал, что ты, возможно, осерчала на меня из-за того дня на горе.

Он обернулся, чтобы посмотреть на неё и сделал пару шагов ей навстречу.

– В тот день я был чрезмерно настойчив. Но не думай обо мне плохо.

– Я не намерена говорить о том, что случилось в тот день, – сказала она быстро. – Забудь его тоже, и пока мы не совершим ту же ошибку, всё будет хорошо. Меня только беспокоит то, что Линь не так понял, и если всё выйдет наружу...

– Он никому ничего не расскажет, не волнуйся, я с ним потолковал.

– Что? И только потому, что ты с ним потолковал, он никому не расскажет? Он так тебя слушает?

Третий Старче поколебался с ответом.

– Мужчины часто переносят женщин через воду, особенно такую, как здесь. Прежде, когда у них не было парома, мужчины переносили всех – молодых девушек, стариков, детей. Если бы Линь сопровождал тебя, то сделал бы то же самое. На самом деле, ерунда всё это. Не беспокойся. –

Но Линь, должно быть, догадался, что мы пришли из города вместе. Не мог же ты случайно столкнуться со мной на горе.

– Даже если он о чём-то догадывается, то не скажет ни-

чего. Он очень честный парень и свои обещания держит. Я знаю, что ты переживаешь по этому поводу и хотел поговорить с тобой об этом, но ты всё время меня избегаешь. Не беспокойся. Даже если Линь что-то и скажет, то, пока мы оба будем всё отрицать, никто ему не поверит.

– Ты хочешь, чтобы мы лгали?

– Такая ложь никому не повредит. Это не великое преступление. Даже если Линю поверят, то я скажу, что ты тут ни при чём: это я бегаю за тобой.

Это выражение бегаю за тобой шокировало Цзинцю. Она никогда не слышала, чтобы кто-то произносил вот так, прямо. Самое большее, что осмеливались люди сказать, было что-то вроде *такой-то испытывает глубокие пролетарские чувства к такой-то*.

– Да не волнуйся ты так, – почти умолял Третий Старче. – Посмотри на себя. За эти несколько дней ты просто исхудала и глаза у тебя впали.

Она оглянулась на него в сумерках. Он тоже выглядел похудевшим. Глядя на него и поглощённая горечью последних дней, Цзинцю едва не оступилась и не свалилась прямо в поле.

– Здесь никого нет. Дай мне твою руку.

Она буквально крутнулась не месте осматриваясь, но, в самом деле, вокруг не было ни души. И всё же у неё не было уверенности, что кто-то внезапно не появится или кто-нибудь не следит за ними из потайного места. Приклеив ру-

ки к бокам, она сказала:

– Забудь об этом. Давай не будем создавать больше проблем. И ещё: отныне не прячь ничего под рисом в моей миске. Если Тётяшка увидит, то у неё будет прямое доказательство.

– Прятать под рисом в твоей миске? Я не прятал, – сказал он смущённо. –

Признайся, это был ты, потому что, если не ты, то кто тогда? Я всегда нахожу колбаску, или яйцо, или что-нибудь, когда ты приходишь. Мне приходится делать так, как делали жёны в имперские времена из-за проделок своих остряков-мужей. Я всё выбрасываю в ведро для свиней.

Он остановился и уставился на неё.

– Это действительно не я. Возможно, это Линь. Ты говоришь, что это происходит всякий раз, когда я прихожу, но я ничего не прятал в твою миску. Я знаю, что ты с ума сойдёшь от этого.

– Так это не ты? Тогда кто? Должно быть, Линь. – Она на миг задумалась и сказала: – В этом случае, меня это не волнует.

Его лицо передёрнулось от досады:

– А почему тебя не волнует, что подумают люди о романе между двумя твоими Я?

Глава восьмая

Несколько дней прошло без малейшего намёка на сплетни, и Цзинцю начала верить, что, может быть, и не было ничего, о чём стоило волноваться. Линь, казалось, заслуживал доверия и согласился с просьбой Третьего Старче ничего никому не говорить. Похоже, он хранил своё обещание. Так что Цзинцю удалось немного расслабиться. Приободрившись, она даже начала вязать Линю джемпер. Она прикинула на глаз его рост, объём груди и выбрала простой рисунок. Каждый вечер она вязала допоздна, стараясь закончить работу до того, как уедет.

Видя, как она старательно работает, Тётенька Чжан сказала:

– Нет нужды так гнать. Если ты не закончишь, то можешь забрать его с собой домой. Как только он будет готов, Линь может съездить и забрать его. Или ты можешь приехать и привезти.

Услышав такое, Цзинцю стала работать ещё старательнее: ей не хотелось оставлять хоть какие-то зацепки, которые означали бы, что надо снова встречаться с Линем. Странное дело, её не беспокоило, что такие усилия могут принять за привязанность – только Линю такое могло прийти в голову. Когда придёт время отказать ему, это больно ударит по его

самолюбю.

Однажды, когда Тётенька Чжан и Цзинцю болтали о чём-то, Цзинцю упомянула непреходящие проблемы со здоровьем у её матери. У неё часто находили кровь в моче, но доктор не мог выявить причину. Он стал выписывать рецепты так, чтобы мать могла покупать грецкие орехи и леденцы, которые, как говорили, могли излечить, и пока они помогали. Но грецкие орехи и леденцы были в дефиците, и даже по рецепту купить их было трудно.

– Юминь говорит, что у них растут грецкие орехи в старом доме её семьи, – сказала Тётенька Чжан. – Я попрошу её привезти, когда она в следующий раз поедет туда. Ты можешь отвезти их своей матери.

Цзинцю была в восторге! Её мать уже долго болела, и они испробовали всё, чтобы вылечить её: инъекции цыплячьей крови, терапия жестами, всё, что угодно, при условии, что стоило это не слишком дорого. Но всё было тщетно. В самых худших случаях анализы её матери были цвета крови. Цзинцю тут же побежала спросить Юминь. Та ответила:

– Да, у нас действительно растут грецкие орехи, там, где я выросла. Но это очень далеко отсюда, и я не знаю, когда поеду туда в следующий раз. Но я напишу домой и попрошу своих домашних припасти что-то для тебя. А когда потом поеду, то привезу тебе.

– Гм... а почём вы продаёте фунт грецких орехов?

– Вообще-то это наши собственные деревья. Не надо нам

денег! Это далеко, и, кроме того, мы не можем спускаться с гор, чтобы торговать ими. Считается, что мы должны *отсекать хвост капитализма*. У нас забирают всё, что мы выращиваем на этих холмах, хотя предполагается, что весь наш урожай предназначен для собственного пользования. Когда нам только разрешат продавать то, что мы выращиваем? И к тому же все мы считаем тебя частью нашей семьи. Если мы можем помочь выздороветь твоей маме, то бери хоть всё дерево – не беда.

Цзинцю была тронута.

– Спасибо огромное. Напиши письмо, когда представится okazия... Я найду время съездить туда сама – только бы это помогло маме. Я так боюсь, что однажды она просто истечёт кровью.

Через несколько дней Линь зашёл в комнату Цзинцю с бамбуковой корзиной в руках.

– Посмотри, хватит ли тебе этого.

С этими словами он повернулся и ушёл. Цзинцю пригляделась к корзине и обнаружила, что та полна грецких орехов! Она была потрясена. Юминь, должно быть, приказала Линю проделать весь путь до её прежнего дома и собрать их. Цзинцю была в ярости и провела оставшуюся часть дня, сдерживая слёзы. Давным-давно она дала себе клятву не лить слёз. Её отец и брат горбатились в сельской коммуне, мать была больна, сестра была пятью годами моложе её, так что ей приходилось быть главной опорой семьи. У неё был свой соб-

ственный лозунг: истекай кровью, потом, но не плачь.

Она поспешила найти Линя. Тот сидел у торцовой стены дома и ел. Она подошла к нему и остановилась, наблюдая, как он раз за разом набивал полный рот. Казалось, он был голоден.

– Ты ездил домой к нашей невестке? – спросила она.

– М-м-м.

– Далеко?

– Нет.

Цзинцю посмотрела на его обувь. Туфли были сношены от ходьбы, а подошва светилась насквозь. Она не могла вымолвить ни слова, а только молча смотрела на его туфли. Он проследил за её пристальным взглядом и быстро убрал ботинки, прикрыв их своими стопами. Стыдясь он тихо сказал:

– У меня походка тяжёлая, я быстро снашиваю обувь. Я хотел идти босиком, но на горе холодно.

Она задыхалась, сдерживая слёзы.

– Она послала тебя?

– Нет. Я просто подумал, что твоя мама могла воспользоваться ими как можно скорее. – Он собрал последние зёрна риса со стенок миски и сказал: – Я уйду на работу. Я ещё успею на вторую половину дня.

И ушёл, чтобы торопливо вернуться через мгновение с мотыгой на плече.

– Найди бумагу и закрой корзину, а то Хуань Хуань всё съест. Не думай: он хоть и мал, а своё возьмёт.

Цзинцю смотрела, как Линь прячет свои изношенные туфли в поленницу дров возле двери. Он обернулся и сказал: – Ничего не говори моей матери: она только отчитает меня и назовёт обалдуем.

Линь ушёл. Цзинцю вытащила туфли из поленницы и осмотрела их. Она хотела подлатать их, но так как одна подошва протёрлась насквозь, то починить их уже было невозможно. Она засунула туфли обратно в поленницу.

Цзинцю стало плохо. Она стояла и размышляла. Если она примет помощь Линя, то как она ему оплатит? Она решила взять грецкие орехи, но только потому, что они помогут её матери поправиться. Та изводила себя слишком многими заботами. Всякий раз, когда она переживала меньше, симптомы у неё ослабевали. Когда же волнений становилось больше, или когда работа была слишком утомительной, кровотечение усиливалось снова. Грецкие орехи и леденцы останавливали процесс.

Цзинцю вернулась в свою комнату и присела перед корзиной грецких орехов.

Она по очереди потрогала каждый. Здесь, должно быть, более двадцати фунтов грецких орехов. Чтобы купить такое количество, ей нужно было бы попросить у доктора не менее десяти рецептов, не говоря уже о деньгах. Ей очень хотелось тотчас же доставить корзину своей матери, но без леденцов орехи были бесполезны, а без справки врача она не получит ни одного. Доктор же выписывал рецепт, только ко-

гда болезнь у матери вспыхивала с новой силой.

Тем не менее, здесь достаточно орехов, чтобы продлить матери жизнь. Её сестра тоже была бы рада, поскольку ничто ей так не нравилось делать, как колоть грецкие орехи.

В этом деле она была докой. Она ставила орех вертикально и маленьким молотком-гвоздодёром слегка постукивала по его вершине, пока скорлупа не распадалась на четыре доли. А там, в середине, оставался отлично сформированный орех. Иногда, конечно, и он раскалывался. Тогда сестрёнка брала иглу и выковыривала остатки. Потом она смешивала эти осколки с леденцами и отдавала эту смесь матери. Мать, конечно, отказывалась, уговаривая своих дочерей съесть такую микстуру. Здоровье её не настолько плохо, всё нормально, а вы обе ещё растёте, ешьте сами. А девочки отвечали, что грецкие орехи слишком горькие, и вообще они им не нравятся.

Цзинцю встала на колени и думала: вот, Линь действительно слишком хорош для неё. Она слышала рассказы из дореволюционных времён о маменькиных дочках, которые, бывало, продавали свои тела, чтобы поддержать матерей. Она думала, что понимает их. Что ещё молодая девушка могла сделать, чтобы помочь матери в те дни? Даже теперь, в этом новом обществе, что могла сделать такая девушка как Цзинцю кроме продажи собственного тела, чтобы поддержать мать? Сейчас, с этой корзиной грецких орехов перед собой, она боялась: если эта корзина грецких орехов выле-

чит мою мать, разве я не должна согласиться выйти замуж за Линя? Теперь они были частью нового общества, где нельзя было покупать и продавать людей, и она не могла продать себя ему. Только выйти замуж.

По мере того, как она размышляла, как бы отплатить Линю за его доброту, мысли её переключились на Третьего Старче. В глубине души ей было жаль, что это не Третий Старче принёс орехи, так как проблема решалась бы тогда легко: она бы с радостью продала себя ему. Цзинцю упрекала себя. А в чём, собственно, Линь хуже Третьего Старче? Только в том, что пониже ростом, и внешне не похож на мелкого буржуа, как Третий Старче? Но разве не нужно смотреть на то, что у человека внутри, а не снаружи?

И тут же она снова себя отчитала. Как ты можешь говорить, что Третий Старче не так добр как Линь? Разве он не заботится о тебе? К тому же, он и другим всегда помогает: чинит их ручки, часы, тратит свои деньги на то, чтобы купить запчасти и никогда ни у кого не берёт ни гроша. Разве это не свидетельство его доброты?

Говорили, что его прозвали образцовым солдатом геологической партии.

Запутавшись в своих мыслях в какой-то момент, она поднялась и криво рассмеялась. Ни один из этих двух на самом деле никогда и не говорил, что ты им интересна – так с какой стати ты так распетушилась? Она решила сшить Линю новые туфли с тем, чтобы мать его не бранила, и с тем, чтобы

ему не приходилось ходить босиком в холод. Она знала, что у Тётеньки Чжан в корзине для шитья было полно подбитых подошв, которые всего-то надо было подогнуть и подшить, и верхов, склеенных, но без подошв. Потребуется пара вечеров, чтобы превратить эти запчасти в готовую пару туфель.

Она выбежала, чтобы найти Тётеньку, и сказала ей, что желала бы сделать пару туфель для Линя. Глаза Тётеньки сверкнули от удовольствия, и она тут же поспешила отыскать два готовых верха, две подошвы, наряду с нитью, иглами, и каблуками, чтобы выдать всё это богатство Цзинцю. И постояла рядом, восторженно наблюдая, как Цзинцю подшивает подошвы к верхам.

– Никогда бы не подумала, что вы, городские девушки, знаете, как шить! – воскликнула Тётенька через какое-то время. – Ты подшила подошву быстрее, чем смогла бы я, да ещё и более сложным стежком. Твоя мать очень хорошая учительница, если воспитала такую способную дочь.

Цзинцю смутилась и сказала Тётеньке Чжан, что единственная причина, по которой она умела шить обувь, заключалась в том, что её семья была бедной. Они не могли позволить себе покупать готовые туфли, поэтому мать шила их сама. Из одного основания чёрного хлопка она могла изготовить передние части для двух пар ботинок. Из старых кусочков ткани она могла склеить подкладку и сделать верх. А вот подошвы приходилось делать самой. Самым трудным было пришить подошву к верху, но Цзинцю изучила каждый этап

этой операции. Большую часть времени она носила туфли, сшитые самостоятельно. И только в дождь, или когда приходилось уезжать далеко, или на военную подготовку в школе, она надевала свои армейские, зелёные холщовые туфли фабрики «Освобождение». Ступни её оказались понятливыми: как только они достигли тридцать пятого размера, то прекратили рост, как будто боялись перерастить продукцию фабрики «Освобождение».

– Ни твоя двоюродная сестра Фэнь, ни Фан не умеют шить обувь. Кто знает, что они будут делать, когда повыскакивают замуж?

Цзинцю успокоила её:

– В наши дни многие не носят самодельную обувь. Они покупают себе туфли, как только выйдут замуж.

– Но покупная обувь не так удобна как самодельная. Я никак не могу привыкнуть к этим кедам. В них так потеешь, а когда снимешь их, они такие горячие и вонючие.

Тётя поглядела на стопы Цзинцю и вздохнула:

– О! У тебя ступня такая маленькая, точно у тех девушек из богатых семей до революции. Ни у одной девушки, которая работает в поле, не может быть такой малюсенькой ступни.

Цзинцю покраснела. Эти ступни, должно быть, достались ей от отца – землевладельца. У отца размер ступни считался маленьким, тогда как у матери всё было в норме – доказательство того, что семья её матери была хорошей рабочей за-

кваски, а вот отец на жизнь зарабатывал эксплуатацией масс.

– Это, вероятно, от моего отца, – сказала она честно. – Мой отец... его семья были землевладельцами. Когда речь заходит о моих взглядах, у меня чёткая граница между моим отцом и мной, но когда речь заходит о моих ногах...

– А что за беда в том, чтобы быть землевладельцем? Нужны удача и навыки в управлении хозяйством, чтобы накопить землю. У тех из нас, у кого нет полей, кто арендует землю и платит аренду другим, – у нас тоже своё место. Не нравятся мне люди, которые завидуют землевладельцам и их деньгам. Они просто находят любой повод осудить людей.

Цзинцю подумала, что у неё что-то со слухом. Предки Тё-теньки все были бедными крестьянами. Как же она могла говорить такие реакционные вещи? Она была уверена, что Тё-тенька Чжан испытывает её, и было крайне важно это испытание пройти. Она не осмелилась проглотить приманку, и вместо этого склонила голову ещё ниже к шитью.

Две ночи упорного труда – и Цзинцю закончила туфли для Линя. Она попросила его примерить их. Он принёс таз воды, тщательно вымыл ноги и осторожно задвинул их в свои новые туфли. Он наказал Хуань Хуаню принести ему листок бумаги, который положил на пол, прежде, чем сделать несколько отмеренных шагов.

– Тесные? Слишком малы? Жмут? – спросила тревожно Цзинцю.

Линь улыбнулся:

– Они удобнее, чем те, что делала мама.

Тётенька Чжан засмеялась и игриво его упрекнула:

– Правду люди говорят: «Найди жену, забудь мать». Так что теперь ты...

Перебивая, Цзинцю поспешила объяснить:

– Я сшила эти туфли в благодарность Линю за то, что он принёс орехи для моей мамы – вот и всё.

Два дня спустя пришёл Третий Старче с большим пакетом леденцов и вручил его Цзинцю, чтобы та отвезла матери. Цзинцю начала с удивлением:

– Ты... а как ты узнал, что моей маме нужны леденцы?

– Мне ты не говорила, но запрещала ли другим говорить мне? – он выглядел немного раздраженным. – Как же ты могла сказать им, но не сказать мне?

– Сказать кому?

– Что значит, кому? Линь рассказал мне, вот кто. Он сказал, что смог только раздобыть орехи, но не леденцы, а без леденцов орехи будут бесполезны.

– Такой большой пакет леденцов... сколько... почём они?

– А орехи в такой большой корзине, почём они?

– Орехи собрали с дерева...

– Леденцы тоже растут на деревьях.

Так он снова подтрунивал над нею. Она хихикнула:

– Ты несёшь чушь: леденцы не растут на деревьях... разве нет?

Он просветлел, увидев её улыбку.

– Подожди, вот ты заработаешь кучу денег и сможешь рассчитаться со мной, честно и справедливо. Я прослежу. Как тебе такое?

Здóрово, подумала Цзинцю, теперь точно я в западне. Если Линь и Третий Старче сотрудничали, чтобы помочь маме, значит ли это, что я должна была выйти замуж за обоих? Она могла только опять посмеяться над собой: а кто-нибудь из них двоих предлагал тебе выйти замуж? С таким происхождением как у тебя было бы чудом, если бы кто-нибудь когда-нибудь на это решился.

Глава девятая

Говорят *«рана скрылась – боль забылась»*, и, разумеется, это совершенно верно. Дни шли, и тревоги Цзинцю утихли до такой степени, что она даже осмелела снова заговорить с Третьим Старче. Тётя и товарищ Чжан уехали в родной город Тётьки, а Юминь взяла Хуань Хуаня в Город-на-Яньцзя, чтобы посетить своего мужа. Таким образом, Цзинцю, Линь и Фэнь остались в доме одни.

После работы Третий Старче спешил помочь приготовить ужин, предпочитая ужинать с Цзинцю, а не в лагере. Один разводил огонь, в то время как кто-нибудь другой поджаривал овощи – так складывалась превосходная команда. Третий Старче достиг совершенства в приготовлении хрустящего риса. Сначала он кипятил рис, и как только тот был готов, он вычерпывал его из кастрюли и перекладывал в чугунную миску, опрыскивал солью и разбрызгивал над ним масло, а затем томил его на медленном огне, пока тот не обретал аромат и свежесть. Цзинцю обожала такой рис. Она могла съесть только его на ужин и была совершенно сытой. Окружающих забавляла эта её привязанность к незамысловатому блюду: дай ей на выбор свежий белый рис или хрустящий от Третьего Старче, и она всенепременно выберет последний. Странные эти городские.

Фэнь воспользовалась возможностью вернуть своего друга на ужин. Цзинцю слыхала, как Тётенька говорила про этого молодого человека, что он мурло, ненадёжный и гуляка. Крестьянским трудом он не занимался, а постоянно шатался по деревне и заключал какие-то сделки. Тётенька и товарищ Чжан такую сомнительную личность не любили и запретили Фэнь приводить его к себе домой. Фэнь украдкой бегала к нему на свидания, но теперь родителей не было дома, и она решила предъявить мурло.

Цзинцю решила, что мурло в общем-то нормальное. Он был высок, много чего знал и хорошо относился к Фэнь. К тому же он принёс Цзинцю ленты для волос, украшенные цветами, которыми обычно и торговал, переходя от дома к дому, так что она собрала свои волосы в косы. Фэнь вытянула руку, хвастаясь перед Цзинцю своими новыми часами.

– Хороши, правда? Он их мне купил. Сто двадцать юаней!

Сто двадцать юаней! Это равнялось трёхмесячной зарплате её матери. Фэнь отказывалась мыть какие-то там овощи или посуду, пока часы красовались на её руке, а то вдруг вода на них попадёт!

Когда они ужинали, Третий Старче своими палочками накладывал еду в миску Цзинцю, а мурло делал то же самое для Фэнь. Линю, оставшемуся без пары, предоставили черпать рис из миски, ковыряться в овощах и исчезать время от времени. Закончив трапезу, он возвращался, чтобы оставить свою миску, а затем куда-то уматывал – никто не знал куда

– и возвращался только, чтобы улечься спать.

По вечерам Фэнь и мурло закрывались у неё в комнате, чтобы заняться там бог знает чем. Комнаты Фэнь и Фан были разделены только стенкой высотой примерно в их рост, оставляя открытым пространство до крыши. Само собой разумеется, звукоизоляция отсутствовала. Когда Цзинцю сидела у себя в комнате, занятая сочинением рассказов из истории Западной Деревни, она слышала как Фэнь хихикала, словно её щекотали.

Третий Старче сидел в спальне Цзинцю, помогая ей с учебником. Иногда она вязала, а он сидел напротив, подавая ей пряжу. Но порой она замечала, что его мысли блуждают, глаза неподвижны и сосредоточены на ней, и в таком состоянии он забывал распутывать шерсть, пока она не дёргала за другой конец. Вытянутый из летаргии, он обретал внимание и извинялся перед тем, как высвободить пряжу.

Цзинцю спросила почти шёпотом:

– Тогда... в тот день, ты не шутил, когда сказал, что хочешь, чтобы я связала тебе джемпер, так ведь? А что же ты не купил шерсть?

– Купил. Я только не знал, нужно ли приносить её сюда.

Должно быть, он видел, как я занята последние дни и не хотел беспокоить, догадалась она. Его доброта тронула ее, но опять возникла проблема: всякий раз, когда её трогала чья-то доброта, она давала обещания, которые не следовало бы давать.

– Неси шерсть. Как только я закончу этот джемпер, то начну твой.

На следующий день Третий Старче принёс шерсть в большом пакете – её было много! Она была красной. Не багряная, но скорее цвета розы, почти розовая, одинакового цвета с азалиями. Её любимый оттенок красного, но очень немногие мужчины носят такой цвет.

– Это оттенок цветов боярышника. Ты ведь говорила, что хочешь увидеть их?

– Ты собираешься показать мне цветы, надев этот джемпер? – засмеялась она.

Он не ответил, а взглянул на воротник её джемпера, выступавшего из-под хлопкового жакета. Должно быть, он купил шерсть для меня.

– Дай слово, что не рассердишься, – сказал он. – Это я тебе купил.

Но она рассердилась. Должно быть, он внимательно рассматривал её, пока они переваливали через гору, и заметил, какой у неё потёртый джемпер – иначе, с какой стати купил бы эту шерсть? Её джемпер был тесным и коротким, и плотно облегал тело. Грудь её были немного великоваты, и хотя она пользовалась лифчиком больше похожим на жилет, чтобы сдержать их, они всё равно выступали из джемпера. Да и низ тела этот джемпер уже не закрывал.

У неё были две кочки спереди и кочка сзади, и Цзинцю знала, что фигура её отталкивающая. В школе был тест,

определявший хорошая ли у девушки фигура. Если, встав к стене, она могла прижать к ней тело так, что просвета не оставалось, то она обладала прямой и привлекательной фигурой. Цзинцю никогда не проходила этот тест. Спереди её груди выступали слишком сильно, да и сзади между стеной и её телом зияли промежутки. Друзья смеялись над ней, называя её трёхмильным перегибом.

Мать купила шерсть для этого джемпера, когда Цзинцю было три или четыре года. Мать не умела вязать, и ей пришлось заплатить кому-то за работу, но несмотря на то, пряжи было много – а главным образом, из-за вязальщицы, сознательно расходовавшей шерсть впустую – на выходе получились только два джемпера: один для Цзинцю и один для её брата.

Впоследствии, Цзинцю научилась вязать сама и распустила эти два джемпера, чтобы связать один. Несколько лет спустя она снова его распустила, добавила немного хлопка и связала ещё один джемпер. Прошли два года, и пора было опять распускать джемпер и добавлять шерсть. Джемпер превратился в буйство цветов, но поскольку Цзинцю стала к тому времени опытной вязальщицей, люди думали, что такой рисунок был её изобретением. Джемпер, однако, состарился, и шерсть стала ломкой, легко распадаясь на отдельные нити. Сначала она пыталась скручивать торчащие концы вместе так, чтобы разрывы были незаметными, но их становилось всё больше и больше – и один уже встречался с дру-

гим – так что ей приходилось связывать их вместе и забывать об этом. Так, снаружи её джемпер казался бесшовной сборной солянкой абстрактных цветов, непостижимо как соединёнными. Секрет был в изнанке: она была покрыта прыщиками узелков, как знаменитый овчинный жакет, который Председатель Мао носил на горе Цзинган, его шерстяные пряди завились до их естественного состояния.

Третий Старче, должно быть, увидел эти пятна в какой-то момент и пожалел меня. Он хочет, чтобы я связала себе новый джемпер. Цзинцю была в ярости.

– У тебя не все дома? Какое тебе дело... заглядывать на изнанку моего джемпера?

– Изнанку твоего джемпера? Что случилось с изнанкой твоего джемпера?70

Он выглядел настолько невинным, что ей подумалось, что она плохо обращалась с ним. Возможно, он и не видел ничего, в конце концов. Они прошагали вместе весь путь, и вряд ли у него была возможность рассматривать изнанку её джемпера. Может быть, он подумал, что у шерсти приятный цвет, напоминавший ему цветы боярышника, и просто купил ей эту пряжу.

– Ладно, я пошутила.

Ему, казалось, полегчало.

– О, так ты шутила. А я думал, ты на меня осерчала.

Он что, боится, если я сержусь? Её раздувало от этой мысли. У меня есть власть над его эмоциями. Он сын чиновни-

ка, умный и способный, и похож на буржуя, но передо мной искренен, пуглив как мышка, и опасается сердить меня. Она чувствовала, что поплыла. Она играла с ним и сознавая, и не осознавая того. Его тревога подтверждала её влияние на него. Она знала, что тщеславна, и пыталась не впасть в такое скверное поведение.

Она завернула шерсть и вернула ему.

– Я не могу взять твою шерсть. Ну как я объясню это маме? Она решит, что я украла её.

Он взял пакет и ответил тихо:

– Об этом я не подумал. А ты не можешь сказать, что купила сама?

– У меня нет ни гроша. Как я могу закупить так много шерсти?

Теперь уже она давала ему отпор, используя свою экономическую ситуацию как оружие, словно хотела сказать: вот, моя семья такая нищая, что скажешь на это? Посмотришь на нас свысока? Если так, то лучше забудь обо мне.

Он стоял неподвижно, лицо его подёргивала боль.

– Я не представлял себе. Не представлял.

– Ты не заметил? Ты многого не замечаешь, твое зрение не заточено на многое. Но не волнуйся – я говорю правду, когда обещаю, что заплачу тебе за леденцы и ручку. Я пойду на временную работу во время летних каникул, и буду работать без перерывов, и смогу заработать тридцать шесть юаней в месяц – только месяц мне понадобится, чтобы рассчитаться

с тобой.

– А что за временная работа?

– Ты и этого не знаешь? Я работаю на стройплощадках, или на разгрузке угля в доках, или на лакокрасочных работах на фабриках. Иногда изготавливаю картонные коробки. Да что угодно! Почему? А что ещё бы ты назвал временной работой? (Сейчас уже хвасталась она.) Не все могут найти временную работу. Причина того, что я могу, состоит в том, что мать моего одноклассника глава районного комитета. Она отвечает за такого типа работы.

Она продолжила несколькими забавными анекдотами, но через какое-то время заметила, что Третий Старче не смеётся над её рассказами, а пристально смотрит на неё, явно расстроенный.

– Клеить коробки, конечно, хорошо, – сказал он, – но не работай на стройке и, особенно, не работай в доках. Это опасно. (В его голосе возникла хрипотца.) У молодой девушки как ты нет сил для таких работ. Ты можешь насмерть разбиться, упав с высоты, или тебя может сбить какая-нибудь машина. И что тогда?

Она его успокоила:

– Ты никогда не выполнял временной работы, поэтому и думаешь, что это кажется ужасным. Но в действительности...

– Я не выполнял временной работы, нет, но видел, как мужики в доках сгребают уголь в крутые кучи. Они не дер-

жат руль и почти заводят свои машины в реку. А ещё я видел, как мужики на стройках ремонтируют стены и черепицу, и роняют вещи с лестниц. Все эти работы тяжелые, опасные, иначе их не поручали бы тем, кто на повремёнке. Их бы выполняли постоянные рабочие. Почему тебя не беспокоит, что ты занята такой опасной работой? Твоя мать хотя бы должна беспокоиться.

А мать и беспокоилась – да ещё как! Её буквально на части разрывало, пока Цзинцю была на работе. Она страшно переживала, что та может получить травму. Случись такое, когда у Цзинцю не было даже рабочей страховки, и всему пришёл бы конец.

– Несколько грошей отсюда или несколько оттуда ничего не стоят, а жизнь твоя – стоит, – просипел Третий Старче.

Но она знала, что несколько грошей отсюда или несколько оттуда чего-то да стоили: нет денег – нет риса. Будешь жить впроголодь. Её семье не просто не хватало нескольких грошей. Им не хватало многих грошей. Её мать часто занимала у других учителей, и, как только получала зарплату, то почти всю отдавала за долги и начинала занимать уже на следующий день. Семья нередко отдавала свои нормы мяса и яиц только потому, что у них не было денег выкупать их. Кроме того, и доходов брата ему никогда не хватало. Все сосланные молодые люди вынуждены были просить деньги: их статус был настолько низок, что их работа не приносила денег даже на норму риса.

Последние несколько лет Цзинцю повезло работать каждое лето, чтобы хоть как-то помочь семье. Она успокаивала мать:

– Я давно уже этим занимаюсь, всё будет хорошо. Многие занимаются этим. Ты когда-нибудь слышала о каких-то увечьях? Травмы и дома случаются.

И так как Третий Старче принял где-то материнский тон, она повторила свою аргументацию ему.

Он не дал ей закончить и прервал:

– Нельзя тебе делать такую работу, правда, нельзя! Это опасно. Если получишь травму или надорвёшься, то это аукнется на всю оставшуюся жизнь. Если тебе нужны деньги, то есть же у меня. Мы работаем, что называется, на ветру, нам хорошо платят, и мы получаем субсидии. У меня есть сбережения, так что для начала можно занять, а затем я могу давать тебе по тридцать-пятьдесят юаней в месяц. Этого должно хватить, верно?

Вот такой, высокий и могущественный, со своей заоблачной зарплатой, он ей не нравился. Он смотрел на неё свысока, относясь к ней как к поводу для благотворительности. Цзинцю ответила гордо:

– Твои деньги – твоё дело. Я их не хочу.

– Можешь занять, если это для тебя предпочтительнее. Можешь вернуть, как только начнёшь зарабатывать.

– А кто тебе сказал, что я смогу получить работу? – Она подхватила ироничный тон. – Твой отец не такой уж и вель-

мога, сомневаюсь, что он смог бы и меня пристроить к работе на ветру. Я готова. Как только меня сошлют на землю, я не вернусь в город, и матери не придётся занимать на мою норму риса. Но когда такое время настанет, какие деньги я должна буду тебе вернуть?

– Если у тебя их не будет, то и не нужно возвращать. Я всё равно ими не пользуюсь. Ну, не будь такой упрямой, ты себя изнуряешь ради нескольких грошей. Ты можешь закончить тем, что будешь прикована к постели на всю оставшуюся жизнь. Это не хуже?

Несколько грошей? Он действительно смотрит на меня свысока, как будто я похожа на кого-то, кто любит деньги больше самой жизни. –

Совершенно верно, я – рабыня денег, – парировала она. – Но лучше я получу травму или истощу себя напрочь, выполняя временную работу, чем возьму твои деньги.

Третий Старче выглядел так, словно ему нанесли удар кинжалом в грудь.

– Ты... я... – мямлил он, не в состоянии сформулировать ответ, глядя на неё жалкими глазами.

Он напомнил ей собаку, за которой она когда-то ухаживала, и которую потом утащили фурманщики: с завязанным ртом, с глазами, неотрывно следившими за ней, знавшими, что это конец, и умолявшими о пощаде.

Глава десятая

Юминь вернулась пару дней спустя, и дом снова обрёл прежний порядок. Друг Фэнь, *мурло*, больше не приходил, и тем вечером в партии у Третьего Старче было собрание, так что у него не нашлось времени прийти. Вместо этого Юминь привезла с собой коллегу, товарища Е, которая хотела расспросить Цзинцю, как связать перед для пары мужских шерстяных кальсон.

Цзинцю могла помочь, но товарищ Е не только интересовалась, как связать ширинку, но и размером последней, чтобы её мужу было удобно облеγχаться. Цзинцю научилась вязать эту премудрость у кого-то другого, но ей и в голову никогда не приходило, для чего она. Когда товарищ Е произнесла слово облеγχиться, Цзинцю покраснела.

– Давайте я просто свяжу это, – сказала она, подбирая спицы, и начала вязать.

Товарищ Е трещала с Юминь, дожидаясь, пока Цзинцю закончит.

– Девчушка Цю очень способная и симпатичная. Неудивительно, что твоя свекровь спит и видит, чтобы отдать её за Второго Старче. Девчушка Цю, а почему бы тебе не выйти за него замуж? Тогда мы бы наезжали сюда всякий раз, когда возникнут проблемы с вязанием и учились бы у настоящего

мастера.

– Не говори так. Цзинцю очень стесняется, – отвечала Юминь, но сама и продолжила. – Цзинцю городская. Она кушает зерно, которое поставляет правительство. Станет она думать о нас, живущих в этой дыре! Любая типа девчущки Цю хочет замуж за другого городского, ведь так, Цзинцю?

Цзинцю покраснела ещё больше:

– Я ещё молода и не думаю об этом.

– Но ты хочешь замуж за городского? – спросила её товарищ Е. – Тогда лучше найди кого-нибудь из геологической партии. И замуж за городского получится, и мы сможем консультироваться у тебя на предмет вязания – взаимовыгодно!

Товарищ Е обдумала сказанное ещё немного и сказала Юминь:

– Тот парень, Сунь, совсем неплох. На аккордеоне играет! Вот он бы подошёл Цю. Он же часто к вам приходит? Должно быть, имеет на неё виды.

Юминь хихикнула:

– Ты прямо в точку! Одно время он вообще от нас шарался, потому что я как-то намекнула ему на нашу Фэнь. Но теперь он не может не приходить. Он здесь почти каждый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.